

ЕКАТЕРИНА БЕЛУГИНА, ОЛЬГА ПОЕЗД, ТЕРИ АБОЛЕВИЧ,
АННА САМАРИНА, ЯРИК БО, АННА БАУЭР, АН КЛАЙ, ДАРЬЯ СНИЦА,
РЕМИ ХАНСЕН, ГУЛЯЕВ ДМИТРИЙ, ВЕРА ЭРИСТАВИ

Очень мистические истории

EWA. Сердце бестселлера

Тери Аболевич

Очень мистические истории

«ЭКСМО»

2023

Аболевич Т.

Очень мистические истории / Т. Аболевич — «Эксмо»,
2023 — (EWA. Сердце бестселлера)

ISBN 978-5-04-188516-8

В этой книге собраны загадочные и мистические рассказы современных писателей – Екатерины Белугиной, Ольги Поезд, Тери Аболевич, Анны Самариной, Ярика Бо, Анны Бауэр, Ан Клай, Дарьи Синицы, Реми Хансен, Дмитрия Гуляева, Веры Эристави. Каждый рассказ погрузит в атмосферу тайны, где ждут духи, привидения, невероятные явления и загадочные существа. Читатели окажутся в центре мистических событий, став свидетелями необъяснимого, и задумаются о том, что может скрываться за границами нашего мира.

ISBN 978-5-04-188516-8

© Аболевич Т., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Белугина Екатерина	5
Ольга Поезд	24
Часть первая	24
Часть вторая	31
Часть третья	37
Часть четвертая	44
Эпилог	50
Тери Аболевич	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Очень мистические истории

Белугина Екатерина Выварень

Зароптали механизмы лифта. С грохотом разъехались двери, и Глеб, перехватив поудобнее папку, вышел на лестничный проем между пятым и шестым этажами. Взбежал по лестнице. В обе стороны расходились общедомовые коридоры, перекрытые дверьми со стеклянными вставками. Глеб наугад шагнул вправо, изучил номера квартир над узкими кнопками звонков.

Не то. Значит, в противоположном.

Он всмотрелся в запыленное стекло. Две двери по прямой, две боковые, под каждой коврик, у той, что справа, ящик, на котором лежала стопка старых книг, длинная тусклая лампа под беленым потолком. Ветхо, но чисто.

Так можно было сказать и про весь район, и про большинство здешних домов. Весь фонд построен больше пятидесяти лет назад, проживали здесь в основном пенсионеры, те самые строители, инженеры, архитекторы. Глеб в этом видел некую вселенскую справедливость: понастроили, вот и живите теперь. Сам он раньше бывал здесь редко, от родителей досталась двушка в Ступино, новом жилом районе по другую сторону шоссе. А теперь вот придется торчать здесь каждый будний день с восьми до пяти. За неимением альтернатив Глеб неделю назад устроился главным инженером в местную управляющую компанию «Светлый город».

Глеб вдавил большим пальцем кнопку напротив номера сорок семь.

Выждал.

Вдавил еще раз.

За стеклом щелкнуло, и дверь сорок седьмой квартиры приоткрылась. Показалась седая старушечья голова. Глеб помахал папкой, давая знать, по какому делу пожаловал. Пенсионерка прищурилась, выползла из-за двери и зашаркала по потрескавшейся плитке. На вид ей можно было дать за восемьдесят пять, а то и больше. Но очков хозяйка не носила, на клюку не опиралась, на ногах вязанные тапки, по всему виду, собственного производства. Кривые, но все еще крепкие ноги затянуты в черные рейтузы. Поверх халата в пестрый цветочек болталась растянутая шерстяная кофта. Короткие волосы растрепались, морщинистое лицо недовольно хмурилось. Бабка отперла дверь и посторонилась.

– Заходи.

Глеб подавил раздражение. Ох уж эта старческая фамильярность. Между прочим, ему уже тридцать и среди коллег он известен как Глеб Сергеевич. Но делать нечего, нужно зарабатывать характеристику. Он улыбнулся и громко, отчетливо выговорил:

– Здравствуйте! Вы звонили.

– Да не ори. А где Зариб? – подозрительно спросила старуха.

Зариб, здешний сантехник, с самого утра смылся с мужиками из водоканала устранять протечку на соседней улице, а перед этим полчаса изливал Глебу душу, мол+ так и так, работа дерьмовая, а зарплата и того хуже, грозился уйти в Ступино, там хоть трубы новые. Глеб про себя только усмехнулся – как же, сдался ты там, в Ступино своих мастеров хватает.

– Зариб занят. В соседнем дворе трубу прорвало.

– А ты кто?

– Лажин Глеб Сергеевич, главный инженер УК «Светлый город». Составлю акт. Будем знакомы. – Глеб протянул руку, не переставая улыбаться.

Бабка на протянутую ладонь и не взглянула, развернулась и зашаркала к своей двери.

– Ну пошли, Лажин. Составляй свой акт. Только не облажайся, – и захихикала.

Глеб вздохнул и покачал головой, глядя ей вслед. Нет, ну вы только посмотрите, пожилая женщина, наверняка ветеран, а туда же. И еще говорят, молодежь испортилась, видите ли, уважения не проявляет. Бред.

Судя по расположению, квартира сорок семь окнами выходила на тихую улочку. Изредка шумели проезжающие автомобили, по полу между распахнутой в кухню балконной дверью и форточкой в спальне шнырял сквозняк.

– Ты разувайся, тапки возьми, – сказала ему хозяйка. – Тут у меня малость пыльно. Внучка раз в неделю приезжает, моет, готовит. Ты, кстати, женатый?

– Не довелось.

– Ну и славно, славно. Проходи.

Глеб ожидал, что попадет в затхлую темную обитель старости, но в квартире было свежо, разве что и правда немного пыльно. В узком коридоре на вешалках висели разномастные предметы старушечьего гардероба: халаты и кофты всевозможных расцветок, засаленный плащ, платки, брюки. Под древним на вид зеркальным комодом стояли рядом тапки. Глеб всунул ноги в те, что больше всего походили на мужские, – широкие и клетчатые. Успел краем глаза заметить свое сутулое отражение.

– Меня зови Клавдией Михайловной.

Мысленно смирившись со всеми заморочками хозяйки, Глеб отчаянно заскучал по своему кабинету. Но, вздохнув, поплелся следом.

Первая дверь вела в просторную спальню. Глеб разглядел аккуратно заправленную кровать, кресло, тумбу с телевизором, ковры на стенах, люстру с хрустальными висюльками. Дальше коридор загибался под прямым углом и вел на кухню. Слева находились смежные туалет и ванная, а справа еще одна комната, поменьше первой. Кухня имела выход на балкон и метров десять площади, не больше. Газовая плита, мойка, холодильник, покрытый белой краской комод, стол на тонких ножках, два стула и табуретка. На выложенном кафелем подоконнике стояли горшки с геранью и помидорами.

– Гляди, чего творят, изверги, – Клавдия Михайловна махнула морщинистой рукой на потолок.

Глеб поднял голову. Над мойкой расплылось уродливое бурое пятно. В углу краска разбухла, и с потолка в предусмотрительно подставленный тазик, медленно капала грязно-коричневая жидкость.

И тут Глеб понял, что угодил в ловушку. Пенсионерка нашла свежие уши и решила излить в них то, что уже много-много раз выслушивал Зариб.

– Каждый месяц погань льют, так и запиши в своем акте. Уж мы и звонили, и жаловались, а все одно. Участковый так ни разу и не явился, а Зариб к ним не ходит больше. Говорит, в суд подавайте. А какой мне суд?

Глеб решил действовать по инструкции: зафиксировать, заверить, доложить. Он открыл папку, заполнил обходной лист, указав квадрат и видимые повреждения. Да, ситуация не из приятных. Что у них там творится наверху?

– Можно? – он указал на ближайший стул.

Клавдия Михайловна кивнула и отошла к окну. Глеб пододвинул стул к мойке, снял тапки и встал на него. Тут же из тазика, в который успело капнуть почти половина, потянуло гнилью и чем-то сладким, удушливым. Сглотнув набежавшую тошноту, Глеб задержал дыхание. Краска в этом месте бугрилась, отслаивалась. Такое потом не оттереть. Только шпатлевать и красить заново. Но что с перекрытиями? Если это происходит каждый месяц, должно быть, этой мерзости накопилось много. Старые блеклые обои держались из последних сил, в стене проглядывали щели.

– Тараканы есть? – спросил Глеб, все еще стараясь не вдыхать.

– А то как же. От них и лезут, – Клавдия Михайловна снова указала на потолок. Глеб слез со стула, поставил его на место.

Дело пахло скверно. Причем в прямом смысле. Но решать надо, а то чуму какую-нибудь разнесут по дому. Глеб подумал о Санэпидемстанции, но решил на всякий случай уточнить у пенсионерки, вдруг уже был опыт.

– Жаловались всем домом, да толку-то? – она повела челюстью, клацнул вставной протез. – Им распоряжение суда надо. Соседи ходили, а там разводят руками. Олечка наша на учете в диспансере стоит.

– Олечка – это соседка сверху?

– Она, она, полоумная. С ней еще сын проживает, Павлушка. Сам-то он неплохой, да только мать задуррила ему голову, заставляет по помойкам шастать. Уж не знаю, что он там ищет. Я сейчас и не выхожу. Из окна иногда только вижу.

– А номер квартиры у них какой?

– Пятьдесят пять. Ты никак собрался наведаться?

– Да, забегу, пожалуй.

Признаться, возиться с бабкой ему надоело, к тому же приближался законный обеденный перерыв и в животе уныло ворчало. Он наскоро распрощался с Клавдией Михайловной, оставив ей копию акта и заверив, что так просто это дело не бросит.

– Ну-ну, – ответила пенсионерка и защелкнула замок на общей двери.

Глеб поднялся на один пролет, снова оказавшись у лифта. За шахтой виднелось окно, там же располагался мусоропровод. Какой-то дед в застиранных трениках, опираясь рукой на подоконник, курил в форточку.

– Добрый день, – машинально приветствовал Глеб и поставил ногу на ступеньку.

– Ты от Клавдии?

Голос у деда басовитый, чистый. Вот никак не скажешь, что курит дешевую «Тройку». И опять этот пренебрежительный тон. Благодушия у самого Глеба тоже поубавилось. В конце концов, он им не шпана подзаборная, а главный инженер с собственным кабинетом. Не абы каким, конечно, но тут уж ничего не поделать.

– Да, жалоба от нее поступила. Хочу с соседями пообщаться, – Глеб постарался придать лицу максимально отстраненное выражение, не то как прицепится дед, не отвертеться.

– Стало быть, опять Олечка выварень готовит, – дед выдохнул дым в форточку и снова уставился в окно. На разговор он явно был не настроен.

Вот и отлично. Глеб хмыкнул и заспешил наверх.

Такие же застекленные двери по обе стороны. Только распахнутые настежь. Глеб не задумываясь шагнул к левой, и вот тут закралось сомнение. Как только он пересек порог, нос уловил отголоски той вони, которую выделяла бурая жидкость в тазике Клавдии Михайловны. Что интересно, исходила она не столько от квартиры пятьдесят пять, сколько от самих стен и потолка, от обивки дверей. Глебу на миг сделалось не по себе, появилось ощущение, что сквозь зеленую краску на стенах за ним кто-то наблюдает. Присматривается, принимает. Утробно заклокотали трубы.

С трудом преодолев замешательство, Глеб подошел к нужной двери и нажал на звонок. По ту сторону протяжно зачирикало. На некоторое время повисла тишина. Глеб позвонил еще раз. И еще. Тут его взяла злость. Мало того, что гадят в собственной квартире, так еще и общественное имущество портят. Тараканы опять же. А эти заботы рано или поздно лягут на управляющую компанию. Он переложил папку на левую руку и постучал несколько раз кулаком.

– Откройте, пожалуйста. Я из управляющей компании. Вы соседку заливаете, – громко проговорил Глеб.

За дверью зашуршало, зашамкало. Хрустнул замок. Обитая дерматином деревянная дверь открылась, и Глеб зажмурился, настолько усилилась вонь. Пришлось сделать два шага

назад, но смрад сочился из квартиры почти видимым приторным туманом. Внутри было темно, но Глеб разглядел грязные подтеки на пожелтевших обоях.

В дверном проеме стояла женщина. Седые немытые волосы собраны в пучок. Несколько прядей прилипли к потному лицу. Хорошо различимые под одной только ночнушкой груди болтались до самого живота. Бледная кожа на лице одрябла, отчетливо выделялся второй и даже третий подбородок. Олечка, должно быть, это была именно она, выглядела напуганной.

– Здравствуйте, – дежурно поприветствовал Глеб. – Что у вас там происходит? Почему заливаete соседку?

Он слегка наклонился, заглянул поглубже, но смог разглядеть только заваленный хламом коридор. Дверь в кухню была плотно прикрыта, из щели у самого пола сочился пар.

Олечка запричитала:

– Ой, а вы кто? – испуганное выражение тут же сошло с ее лица. Она поджала губы и прищурилась. – А где Зариб? Вы по какому праву ломитесь?

– Зариб занят. Можно квартиру осмотреть? – Глеб хотел было протиснуться, но вонь стала невыносимой, желудок резко дернулся, во рту появился горький привкус желчи.

Глеб отступил. Нет уж, надо брать Зариба и респиратор. А то вдобавок к этой мерзости появится лужа блевотины. Он зажал нос рукавом.

– Слушайте, уберите сейчас же все. А то придется вызвать полицию, понятно? – собственный голос звучал надсадно и гнусаво, угроза вышла жалкой. Тем более Глеб и сам в нее не верил. Проще уж вызвать демона, чем служителей правопорядка.

Но на Олечку его слова подействовали.

– Не надо полицию! Павлушка все уберет. Павлушка! – заверещала она, повернув голову.

Из угловой комнаты показался тощий, согбенный мужичок. Маленькими детскими шажочками он посеменил в сторону кухни, открыл дверь и юркнул за нее. Но Глеб успел разглядеть, что весь потолок затянут пленкой, на которой образовался слой коричневой жижи. А пол заставлен обрезанными пятилитровыми канистрами. В одном месте с потолка свесился вязкий кусок, напоминавший холодец. За несколько секунд до того, как Павлушка закрыл дверь, кусок оторвался и со шлепком упал в канистру.

Глеб снова посмотрел на Олечку. Как есть чокнутые. А таких выселить непросто. Стоит ли связываться?

– Если будут поступать жалобы от Клавдии Михайловны, имейте в виду, придется обратиться к участковому, – предупредил он еще раз.

Олечка закивала, по-куриному закудахтала.

– Да, да, да. Конечно, конечно, – и прикрыла дверь.

Глеб вышел к лестнице и только тогда убрал локоть от носа. Продышался.

– Господи, – вырвалось у него. – Что за уроды.

– Ну как тебе? – дед все так же стоял у окна. Уже не курил, просто наблюдал.

Глеб спустился. Нажал на кнопку вызова лифта.

– И давно они здесь живут? – спросил он больше из вежливости.

– С самого начала и живут. И каждый месяц варят.

– Что варят? – не понял Глеб.

– Я же сказал. Выварень. Ты, если захочешь разобраться, заходи. Я в пятьдесят первой живу, в коридоре напротив.

Глебу хотелось как можно быстрее выбраться из этой клоаки на свежий воздух. Ему стало казаться, что одежда, волосы, кожа впитали гадкий запах. Или сюда тоже проникла вонь? Он заглянул за угол шахты. Вокруг дверцы мусоропровода кружили мухи. Жирные, тяжелые, они сновали по запекшейся бурой корке, покрывающей клапан. Шум из форточки приглушал гудение сотен крыльев, но Глеб чуть ли не кожей ощущал их вибрации. А вот старику мухи, похоже,

совсем не мешали. Да и он их не интересовал, а может, дым от папиросы отпугивал докучливую свору.

Грохот и скрежет возвестили о том, что лифт подан.

– Нет уж, благодарю, на сегодня хватит, – буркнул Глеб и поспешил протиснуться в едва раскрывшиеся двери.

Уже в кабинке, донеслось:

– В подвал смотри не лезь.

Створки захлопнулись и лифт пополз вниз.

Зариб так и не появился в офисе. Забухал, наверное, с Водоканалом.

Мысли об обеде причиняли ощутимое неудобство. До сих пор мучила изжога. Кое-как промаявшись до конца рабочего дня, Глеб поплелся к автобусной остановке. Ужинать тоже не стал. Перед глазами стоял подернутый пленкой потолок и комки бурого студня, спадающие в загодя установленные пятилитровые канистры с обрезанной горловиной.

* * *

Следующее утро выдалось дождливым.

Накинув капюшон, Глеб вышел из автобуса. Перебежал улицу с односторонним движением. Прямо перед ним стояла вчерашняя одноподъездная девятиэтажка, с Клавдией Михайловной, Олечкой и придурочным Павлушкой.

Он задрал голову и прикинул, где могли находиться окна пятьдесят пятой квартиры. Да, угадал. Два окна в ряд на седьмом этаже были наглухо завешаны листами картона. То же самое в смежных окнах и даже на балконе. Вот ведь достался участочек.

Глеб вздохнул и побрел к соседнему дому, копии предыдущего, в котором находился офис УК «Светлый город». Проходя мимо огороженных контейнеров ТБО, он увидел знакомый сгорбленный силуэт.

Павлушка сосредоточенно ковырялся за одним из контейнеров. Тонкий дождевик был ему явно мал, рукава синей ветровки намокли. Под мышкой он держал свернутый в несколько раз плотный полиэтиленовый пакет. Он не смотрел по сторонам, казалось, его вообще не волновало то, что происходит вокруг. Помнится, Клавдия Михайловна говорила, что мать заставляет его по помойкам таскаться. Интересно, что он там ищет?

Глеб прошел немного и остановился возле детской площадки. Капли с ветвей барабанили по крышкам люков. Павлушка наклонился, что-то подобрал, развернул пакет и сунул находку внутрь. На мгновение на краю пакета завис крысиный хвост. Глеб ошалел. Он там что, крыс дохлых подбирает? Вот же зараза.

Павлушка, глядя исключительно на свои поношенные ботинки, выбрался из-за контейнера и посеял через улицу. Глеб посмотрел на его удаляющуюся фигурку, тихо выругался и поспешил следом. До начала рабочего дня оставалось минут двадцать, к тому же интерес взял верх. Он представил себя героем запутанного детектива, который выслеживает подозреваемого.

Подозреваемый не проявлял к слежке никакого интереса. Он порывался еще в нескольких помойках, обошел подворотни, пополнив пакет парой новых тушек. Глеб отметил для себя, что надо бы принять меры, а то, похоже, крыс по району развелось видимо-невидимо, раз дохлые валяются чуть не на дороге. Видно было, что Павлушка шел привычным маршрутом, заглядывал в окошечки подвальной вентиляции, даже просовывал туда руку. Впрочем, дохлых крыс в пакете так и осталось три.

Тогда Павлушка остановился возле небольшого пустыря, за исписанной надписями стеной котельной.

Глеб сделал вид, что идет мимо, а сам встал под козырьком подъезда одного из домов.

Павлушка на него по-прежнему не обращал внимания. Он положил пакет с крысами на землю, засунул руку в карман и сыпанул горсть семечек. Тут же с громким улюлюканьем слетелись голуби. Птицы важно подбирали зерна, проходили у самых ног Павлушки. Тот стоял неподвижно и только подкидывал новые порции семечек. А потом опустил на корточки и выставил раскрытую ладонь. Голуби загурчали, несколько подошли совсем близко, слышно было, как трутся друг о друга перья.

Дурачок резко вскинул руку и ухватил одну птицу. Во второй руке откуда-то появился булыжник. Павлушка ловко прижал голубя к земле и стукнул по головке камнем.

Приглушенно хрустнуло.

Глеб дернулся и снова замер.

Павлушка сунул мертвую птицу в пакет и снова выставил раскрытую горсть. Охота продолжалась минут десять. Павлушка поднял заметно раздувшийся пакет и посеменил обратно. По дороге еще раз заглянул на помойку, вытащил несколько связанных между собой пустых пятилитровых канистр и скрылся в подъезде.

Глеб постоял, посмотрел на закрытую железную дверь, вскинул руку и глянул на часы. Ну вот, детектив хренов, опоздал уже на десять минут.

У подъезда на лавочке расселись дворники и что-то обсуждали на родном наречии. Глеб махнул им рукой, набрал ключ от домофона и вошел в сырой, пропахший плесенью подъезд, где и находился офис УК «Светлый город».

На его опоздание никто не обратил ни малейшего внимания. Тихо работали мониторы, в диспетчерской бухгалтерши Наталья Петровна и Маша пили чай с кексами.

Глеб поздоровался и, запнувшись на изодранном линолеуме, вошел в свою каморку, которую всем несведущим представлял как кабинет.

Щелкнул выключатель.

Заваленные кипами бумаг стеллажи огибали комнату по периметру, прерываясь только на зарешеченное окно. На подоконнике стоял электрический чайник. К окну примыкал стол, на котором с трудом уместился ноутбук и чашка, остальное пространство занимали все те же бумаги. Глеб уныло окинул взглядом рабочее место, повесил куртку за дверь и сел за стол.

Дел предстояло много. Все данные из бумаг нужно было внести в сводную таблицу, составить график ремонта котельной, подбить документацию по теплообеспечению, подготовить наряды для исполнителей. А еще надо бы распределить графики отключения горячей воды. Павлушка с крысами и голубями как-то разом потерялся во всей этой бумажной волоките.

Явился Зариб. От сантехника ощутимо несло перегаром. Глеб выдал ему распоряжения и отпустил.

Уже несколько часов подряд он сосредоточенно работал, а потому не сразу сообразил, что в дверь постучали. Стук повторился.

– Да?

Обитая фанерой перегородка отворилась.

– Здравствуйте. Это вы инженер Лажин? – спросил приятный женский голос.

Глеб оторвался от экрана и посмотрел на вошедшую.

Девушке на вид было не больше тридцати. Стройная фигура легко угадывалась под приталенным плащом и узкими джинсами, неброский макияж, выющийся русый локон спадал на одно плечо. В руке девушка держала бежевый зонт.

Глеб невольно засмотрелся. Смутившись, ответил:

– Да, добрый день. Это я.

Она продолжила.

– Вы вчера заходили к моей бабушке в сорок седьмую квартиру, – она указала рукой в окно. Через завесу мороси виднелся подъезд соседнего дома, куда недавно Павлушка затащил целый пакет дохлятины.

– Да, действительно.

– Меня зовут Елизавета. Вы видели, что творится на кухне?

Глеб кивнул.

– И что дальше? Вы к ним поднимались?

– Поднимался, но в квартиру заходить не стал. Признаться, не смог, – попробовал оправдаться Глеб. – Пригрозил участковым. Обещали убрать.

Девушка цокнула языком и закатила глаза.

– Да вы знаете, сколько раз я им грозила. Но толку-то? Участкового нашего так просто не поймать. А в полиции заявление даже принимать не хотят. Нет же криминала. Я и в Жилищную инспекцию ходила, и в администрацию. Только руками разводят.

Глеб сочувственно кивал, потом опомнился и предложил Елизавете сесть. Принес из коридора стул.

– Вы здесь недавно, верно? – поблагодарив, спросила девушка.

Глебу стало нестерпимо стыдно за этот неказистый стул, за свою каморку, за то, что он не может в сущности ничего сделать с нерадивыми соседями. Он вспомнил вопрос Клавдии Михайловны о семейном положении, и на душе потеплело. Раз пенсионерка интересовалась, значит, Елизавета еще не пристроена.

– Неделю назад устроился, – Глеб улыбнулся.

– Ясно. Тут надолго и не задерживаются. Дурное место.

Видно было, что она пришла к нему не ругаться. Трудно даже представить, что девушка с таким мягким взглядом голубых глаз способна закатить скандал. Ее пожилая родственница могла и наверняка в годы помоложе околачивала пороги всех инстанций. Вот и внучку, скорее всего, прислала она.

– Отчего же дурное? – удивился Глеб, снова улыбаясь. Ну, идиот, честное слово.

Елизавета к его улыбке осталась равнодушна. Посмотрела на него с тоской и даже жалостью.

– Сами увидите.

Казалось, девушке больше не интересны ни он, ни проблемы с соседями. Словно поняла для себя, что и здесь ей никто не поможет. У Глеба от жалости защемило сердце. Всяких бюрократов у нас хватает, а как до дела доходит, грязную работу сваливают друг на друга. В конце концов, как говорится, воз и ныне там. Лиза (про себя Глеб решил называть ее именно так) вздохнула и уставилась в пол.

– Что, по-вашему, они там делают? – решил продолжить разговор Глеб.

– Не знаю. Варят что-то.

– Выварень, – Глеб сам удивился тому, с какой интонацией это слово вывалилось у него изо рта. Густое, липкое, как та жижа на потолке, оно шлепнулось между ними.

Лиза посмотрела на него с нескрываемым удивлением. Черты лица заострились, между бровей пролегла складочка.

– Откуда вы знаете про выварень?

– Пенсионер один попался, – Глеб чуть не ляпнул дед в трениках, но вовремя спохватился. – Тоже с седьмого, только коридор напротив.

– А, – Лиза едва заметно улыбнулась, – Трофим Иванович. Он вас предупредил насчет подвала? Он всех предупреждает.

Глеб вспомнил слова деда, услышанные в лифте, и кивнул.

– А что там? В подвале.

Лиза усмехнулась.

– Вы так спрашиваете, будто я каждый день там бываю. Меня в свое время он тоже предупредил.

Да, действительно, чего бы ей делать в подвалах. А вот ему проверить не мешает.

Повисла тишина. Лиза теребила пальцами ремень зонта.

Глеб украдкой посматривал на нее, все больше уверяясь, что окончательно и бесповоротно очарован. Он уже было думал попросить номер телефона, но тут девушка сама достала смартфон в темно-сером чехле.

– Можно я ваш телефон запишу? На всякий случай, чтобы через диспетчера не звонить.

Глеб старался не давать свой номер частным лицам, чтобы они потом названивали по рабочим вопросам, минуя заявку у диспетчера, но, едва взглянув в ее печальные голубые глаза, сказал:

– Разумеется. Звоните в любое время. – и, вновь ощущая себя полным идиотом за это «в любое время», продиктовал цифры номера.

Лиза убрала смартфон, поднялась со стула.

– Спасибо, что выслушали. Я уже привыкла, что от нашей проблемы отмахиваются. А вы... – она замялась. – Спасибо еще раз.

– Да не за что.

Лиза ушла. Изящный силуэт скрылся в направлении остановки. А Глеб еще долго высматривал его среди густой зелени сирени. Против воли задумался о женитьбе, детях, расплывшееся в улыбке лицо матери одобрительно кивало. Впервые в жизни Глеб был с ней солидарен. Текущие дела показались несущественными, и он решил пообедать в кафе, которое так нахваливала Наталья Петровна.

Кафе и вправду оказалось неплохим. Возвращаться в тесный кабинет он не спешил. Шел не спеша под теплым дождем, пряча под капюшоном блаженную улыбку, вдыхая ароматы цветущей черемухи. Сегодня они не казались тошнотворно приторными, не кружили голову и только сильнее погружали в грезы.

Из мечтаний его вырвал резкий грохот.

Глеб шарахнулся в сторону тротуара и только тут обнаружил, что стоит рядом со злополучным домом. Прямо напротив узкие ступени вели к подвальной двери. Угрюмо нависал козырек. Метрах в трех кирпичная кладка казалась новее, как будто ее заложили год или два назад.

Что могло так грохнуть?

Он заозирался. По улице сновали автомобили, разбрызгивая лужи. Редкие прохожие спешили по своим делам, и, кажется, кроме него никто на грохот внимания не обратил. Он выдохнул и покачал головой, отгоняя наваждение, собрался было пойти дальше, но из-за двери вдруг донеслось отчетливо:

– Иди к нам.

Кожу на затылке стянуло от внезапной судороги, волосы на голове зашевелились. Вкрадчивый шепот просачивался из-под железной двери, хотя никаких щелей видно не было. Глеб не мог разобрать остальные слова, и сделал несколько шагов вперед, спустился до половины лестницы. На железной двери висел замок. Кованный, прочный. С той стороны шуршало, скреблось, иногда доносился писк. Похоже, туда набилась целая свора крыс. Но что это был за удар? А был ли он?

Замочная скважина вдруг засветилась. Тускло, зеленовато, мертвенно. Глеб отступил на две ступеньки вверх, наблюдая, как проржавевшее железо морщится, плавится, превращается в коричневый студень, опадает на асфальт. Пазухи замка держались на одном только тоненьком ободке, но и он того и гляди сползет вниз. И тогда дверь откроется.

Не помня себя от страха, Глеб развернулся и перепрыгнул сразу через две ступени, отскочил на тротуар, обернулся.

Дверь как дверь. И замок на своем месте. Так и рехнуться недолго. Вытерев пот со лба, Глеб поспешил в офис.

Успокоился он только после четвертой кружки мятного чая. Наталья Петровна угостила вдобавок пустырником. До конца рабочего дня оставалось меньше получаса. Глеб сидел за столом и смотрел в окно. Там, в обрамлении свежей зелени и капель дождя, темнела подвальная дверь. Господи, привидится же. А вот про крыс стоит подумать. Он достал смартфон и набрал номер Зариба. Тот не ответил, но почти сразу перезвонил сам.

– Зариб, здравствуй. Скажи, а у кого ключи от подвалов?

Сантехник замешкался. Глеб уже подумал, что связь прервалась, но тут голос с татарским акцентом хрипло спросил:

– А вам какой подвал нужен?

Глеб назвал номер дома и улицу. Зариб снова умолк, видать, обдумывал что-то.

– Все ключи в офисе, под роспись выдают, – сказал наконец он. И после паузы добавил: – Вы только туда не ходите. Дурное там.

– Что там?

– Дурное.

– Слушай, но кто-то же должен туда ходить, проверять оборудование, снимать показания, в конце концов мусор выгребать.

– Щитки-то все в подъезде установлены. Мусоропровод в доме уже несколько лет нерабочий. Жильцы либо сами выносят в ТБО, либо оставляют у лифта, дворник ходит каждое утро собирает. А трубы я проверял месяц назад, исправные они.

– Значит, ты туда все-таки ходил?

– Было дело, – рабочий отвечал уклончиво. Это настораживало.

– А крысы там были?

– Крыс завались, как везде.

– Что же они там жрут, если мусоропровод нерабочий?

Зариб опять помолчал, а потом выпалил:

– Да хоть бы и друг друга, я туда больше ни ногой, начальник.

– Погоди, погоди. С утра вместе сходим, разведем. Встречаемся в восемь.

Не дожидаясь жалоб и причитаний сантехника, Глеб отключил звонок и стал собираться домой. Соседний дом он предпочел обойти с другой стороны.

В Ступино зашел в супермаркет, купил на ужин замороженных котлет и банку пива.

Всю ночь его изводил кошмар. Из приоткрытой подвальной двери выскакивали дохлые крысы и голуби с расплюснутыми головами. Мельтешение перьев и хвостов заполонило лестницу, но очень быстро мертвая орава перевалила через бордюр и расплзлась по улице, поглощая встречных людей и животных.

Глеб стоял посреди реки шелеста и писка, боясь пошевелиться. Щиколотки обдавало холодом при каждом прикосновении лапы, хвоста или перьев.

Подвальная дверь, скрипнув, исторгла последнего голубя. Он неуклюже заковылял вслед за собратьями, голова спутанным комком перьев и мозгов свесилась почти до самой земли. Глеб остался наедине с темнотой, что клубилась на пороге подвала.

– Иди к нам, – звала она, и голос этот отдавал скрежетом когтей по железу.

Глеб кожей ощущал, как густой смрад обволакивал его, прогорклые капли оседали на языке, скатывались в глотку. К своему ужасу, он осознал, что вкус этот ему приятен, он против воли смаковал, перекачивал на языке сгустки слизи, невесть как появившейся во рту.

Выварень.

На зубах поскрипывали когти и клювы. А он продолжал жевать. Темнота вокруг уплотнилась, и вот он уже стоит одной ногой в подвале, впереди загорелись две огромные красные точки, и вновь скрежет по железу:

– Иди к нам.

Он подскочил на кровати, свалился. Мокрая от пота простыня свесилась на пол, сквозь незашторенное окно в глаза бил свет полной луны, призрачный, мертвый.

– Господи, – простонал он.

Сон настойчиво стремился в реальность, на языке расплывался назойливый вкус выварення. Глеб рывком встал. Опираясь о стену, добрел до ванной. Включил свет, открыл кран. Трясущимися пальцами схватил зубную щетку, надавил пасты и принялся скрести язык. Тело трясло, желудок содрогался в спазмах. Он успел вытащить щетку и его тут же вырвало густой коричневой гнилью с белыми пузырьками.

Вырвало еще раз. И еще.

Ноги подкосились, и Глеб рухнул на холодный кафель. Это всего лишь сон. Просто переволновался за день. А то, что рвало чем-то коричневым, так это, скорее всего, котлеты были несвежими. Говорила же мать завязывать с полуфабрикатами. В них чего только не попадается. Вот и приснилось. Хотя вчера ничего подозрительного в котлетах он не заметил.

Глеб посидел какое-то время в ванной, постепенно тело и мысли успокоились, и он поплелся на кухню, выпил стакан воды, а потом снова завалился на кровать. Простыню поправлять не стал, попросту скинул на пол.

Сон ускользал. Глядя в окно, Глеб вспомнил, что Лиза ведь тоже живет в Ступино. Перед внутренним взором возникло ее лицо. Он вновь и вновь прокручивал в голове их встречу и, погруженный в мечты, наконец, уснул.

* * *

– Не пойду я, Глеб Сергеич.

Перед лестницей Зариб круто развернулся. Темные волосы взметнулись, сросшиеся брови изогнулись в дугу, разве что не разревелся мужик.

– А ну, стоять.

Глеб вообще редко включал режим начальника, но именно сейчас это было необходимо. Хотя у самого коленки дрожали, как после знатной пьянки, он загородил сантехнику проход, упер ладони ему в плечи.

– Рассказывай давай, что там видел.

Зариб замялся, взгляд черных глаз зашарил по асфальту.

– Дурное там.

– Да слышал я уже про дурное. Что именно? Крысы?

Он очень надеялся, что там просто крысы, тогда они закупят отравы, а после сожгут эту мерзость к такой-то матери. Не может ведь вся эта чертовщина, что мерещилась ему второй день, быть правдой. Но заглянув в глаза сантехнику, понял: может. По крайней мере, мерещится не одному Глебу.

– Ну ладно, пойдемте. Только вы не бросайте меня, если что, – жалобно попросил Зариб и полез в карман за ключом.

Замок никак не желал выходить из пазух, видно было, что петли давно не смазывали. Очень давно. Глеб внимательно посмотрел на сантехника, тот пожал плечами:

– Давно туда никто не заходит...

А говорил ведь, что проверял трубы месяц назад.

– Мда...

Оттого, видно, и прорывает так часто канализацию в округе. Наконец, замок звякнул последний раз, Зариб подвесил его на одну из пазух и открыл дверь.

В лицо дохнуло сыростью и еще чем-то до тошноты знакомым. Глеб сглотнул мерзкий ком в горле, включил фонарик на смартфоне и шагнул внутрь. Следом на стене заплескал свет от карманного фонарика Зариба.

Перед ними был узкий коридор, который впереди поворачивал под прямым углом. Фонарики зашарили по сырым кирпичным стенам, бетонному полу. Над головой раздавались шаги, шумела вода, прогрохотал лифт.

Глеб шел первым. За спиной громко дышал сантехник. Они свернули за угол и через несколько шагов вышли в просторное помещение. По стенам змеились трубы, на одиноком проводе с потолка свисала лампа. Зариб быстро нащупал выключатель. Лампа затеплилась, но слабый свет ее едва касался пола и, уж конечно, не способен был выгнать тьму из углов.

Запах стал гораздо ощутимее. Глеб присмотрелся к потолку, но никаких бурых разводов не заметил. Обычный бетон. Однако запах был. Тот самый смрад из кухни пятьдесят пятой квартиры на седьмом этаже. Его исторгали стены, он поднимался вместе с пылью при каждом шаге.

– А где мусороприемник? – тихо спросил Глеб.

– Прямо за стеной. Там раньше отдельный был выход, чтобы мусор удобнее выгребать. Но предыдущий начальник сказал – замуровать.

Глеб сразу вспомнил новую кладку рядом с дверью в подвал.

– Надо осмотреть.

– Зачем, Глеб Сергеич? Там заколочено все, – Зариб все чаще оглядывался на пятно дневного света, служащее для них тусклым ориентиром.

Глеб и сам не мог объяснить, зачем ему сдался мусороприемник. Но чувствовал: все дело в нем. А главное, он хотел понять, как это все связано с тошнотворным выварнем. Тут он вспомнил деда в трениках, как там его Лиза назвала, Трофим Иванович, кажется. Он, похоже, в курсе того, что происходит.

– Давайте я трубы быстренько гляну, и пойдем, а? Правда, я инструментов с собой и не взял. Вы сказали смотреть будем.

За стеной по правую руку раздался громкий шорох.

– Мать перемать, – выругался Глеб и тут же пожалел о своей несдержанности.

Зариб стал бледным, как кумыс. А шорох за стеной усиливался. Впечатление было такое, словно огромная туша пытается развернуться и трется боками о стены, ворочается. Стало не по себе.

И вот тут Глеб принял решение не искушать судьбу, а расспросить обо всем деда. Желательно за чашечкой валерьянки.

Зариб держался из последних сил, рот его приоткрылся и зубы выдавали дробь. За стеной заскребли когти. Глеб так сильно стиснул собственные челюсти, что от напряжения заломило мышцы.

– Так, ладно. Пошли отсюда.

Зариб пулей метнулся к тому месту, где коридор поворачивал, забыв выключить лампу и даже не взглянув на трубы. Глеб не стал тратить время на поиск выключателя, как-нибудь сама потухнет. Он настиг сантехника в несколько секунд, влетел тому в спину.

– Чего стоишь-то? – без церемоний спросил он.

И только тут осознал, что никакого бледного пятна на стене больше не было. Входная дверь в подвал закрылась.

Глеб отодвинул скулящего Зариба и приблизился к двери, приложил свободную ладонь, толкнул. Ничего. Толкнул еще раз, но сильнее. Ничего. Налег всем весом, но с тем же результатом.

И вот тут накатил ужас, холодный, как сами эти стены, липкий, как выварень чокнутой Олечки. Глеб судорожно шарил светом фонаря по железному полотну. Да как так-то? Кто мог ее закрыть? Да кто угодно, подсказало подсознание. Дворник мог, прохожий. Но разве не очевидно, что внутри люди?! Глеб закричал:

– Ээээйй!!

Забарабанил в дверь. От собственного надрывного голоса и грохота кулака по железу стало еще страшнее. А вдруг *это* услышит? Такая же мысль, видимо, посетила и Зариба. Сжавшись в комок у ног Глеба, он прошептал:

– Тише. Пожалуйста. А то оно придет сюда.

– Кто?

– Дурное.

Глеб до этого момента, до событий последних дней, в дурное не верил. Есть дурные люди, у них есть дурные мысли, дурные дела. Но сейчас он чувствовал: то, что таится за стеной, не человек. Люди для него слуги. Повара. Оно сводит их с ума, подчиняет себе, заставляет варить. И если они не выберутся из подвала, оно придет за ними. Оно уже учуяло их. Шорох и скрежет за стеной стали громче, отчетливее. Огромная жирная туша елозила где-то совсем близко. Закачалась полоска света от лампы, которую никто из них так и не потрудился погасить. Сначала раздавались шаги, потом скрежет, следом тот самый шорох, словно тащили толстенный канат. Или хвост.

Зариб молился на татарском, уткнув лицо в колени. Ладонями закрывал уши. Фонарик валялся рядом.

Глеб со всей силы боднул дверь плечом. Хрен там.

За поворотом засопело. В свете лампы появилась огромная тень. Спину покрывали щетины, как у дикобраза, узкая клыкастая морда загибалась, будто клюв... Глеб вжался в дверь. Зариб заплакал.

И тут, среди этого шороха, скрежета и сопения, среди рыданий и молчаливого отчаяния, заиграла знакомая мелодия. Глеб скосил глаза. Пальцы до сих пор судорожно сжимали телефон. Ну и идиоты. Могли же позвонить, позвать на помощь.

На экране высветился незнакомый номер. Глеб нажал на кнопку приема вызова и поднес смартфон к уху. Огромная тень затрепетала, раздалось грозное шипение.

– Глеб, добрый день. Извините, что беспокою. Могу я сейчас подойти к вам в офис?

– Лиза, – Глеб старался, чтобы слова не прерывались стуком зубов друг о друга. – Лиза, я в подвале.

– Где?

– В подвале, Лиза. Дверь захлопнулась. Я вас умоляю, Лиза, – он чуть было не всхлипнул.

– Я как раз рядом. Подождите-ка.

За изгибом коридора заклокотало, тень отпрянула. Тут же входная дверь распахнулась, и Глеб повалился спиной на ступени. Зариб одним прыжком оказался наверху и скрылся из виду.

Глеб уставился на Лизу. Та тоже смотрела на него, и на лице ее читалось искреннее недоумение.

– Тут не заперто. Наверное, сквозняком прикрыло.

– Закройте скорее! – взвизгнул он.

Лиза прижала дверь и всунула замок в обе пазухи. Защелкнула.

– А что вообще произошло? Мне звонила бабушка. С потолка снова капает. Давайте вместе к ним сходим?

Глеб кое-как поднялся. Колени предательски подогнулись, но все же он устоял. Дневной свет ослеплял. Запах проклятой черемухи истязал виски.

– Сначала к деду в трениках, – прохрипел он.

– К кому?

– К этому, к Иванычу, – сжавшимся от страха легким не хватало кислорода, голова кружилась, в горле саднило.

– Трофиму Ивановичу? – Лиза наклонилась к нему, заботливо положила руку на плечо.

– Ага, – от ее прикосновения полегчало. – Он знает про... – Глеб закашлялся на полуслове, махнул рукой на дверь, – про это все.

* * *

Трофим Иванович открыл быстро, словно караулил под дверью. Но Глебу было все равно, хоть бы и караулил.

– Дайте воды, – попросил он, как только вошел.

Лиза застенчиво осталась стоять в коридоре.

– На кухню давай, – дед махнул рукой. – Лизонька, и ты проходи.

В тесной кухоньке они расположились за столом. Трофим Иванович хлопотал между плитой и комодом, Лиза тихонько сидела на табурете в уголке, а Глеб пялился в стену. Видавшие виды обои в синий цветочек кое-где покрылись подтеками жира. Дверь на балкон шевелил сквозняк, он же приносил странное гулкое постукивание, словно сталкивали две пластиковые бутылки.

– Вот тебе чай. Пей, – дед поставил перед ним кружку пахнущего мятой чая и подпер балконную дверь табуреткой. Сел сверху.

Глеб залпом осушил кружку и спросил без обиняков, напрямую:

– Что за херня? – он искренне считал, что находится не в том состоянии, чтобы нежничать и любезничать.

Лиза изогнула ухоженные брови, но промолчала, пригубила из своей чашки.

– Ааа, ходил-таки в подвал. – Трофим Иванович прищурился. – Ну как тебе Мать?

– Обосраться.

Хозяин залился хриплым смехом.

– А ну как зазря ее Олечка откармливает?

Глеб заметил, что сегодня Трофим Иванович был мало похож на того хмурого, задумчивого деда в трениках. Старик был весел и болтлив, словно всю жизнь ждал, когда к нему ввалится такой вот Глеб.

– При чем тут мусоропровод?

– Так подвал закрыт, вот она и скидывает выварень по трубе.

– Зачем она это делает?

– Олечка? – Переспросил Трофим Иванович. – Так она с детства с головой не дружит. А три года назад у нее мать умерла. Весь дом тогда выдохнул. Ведьмой слыла, – дед понизил голос, наклонился. Волосы на его макушке смешно раскачивались, вторя сквозняку. – Ела крыс. Поговаривают, не только их. Бывало, пойдет дворник в подвал, а она там. Потом и ходить перестали.

Глеба замутило.

– При чем здесь та штука, что живет в мусороприемнике?

– А ты подумай.

Но Глеб думать не мог, так и смотрел в мутные глаза старика, ожидая когда тот продолжит.

– Ну ладно, слушай. А ты, Лизонька, пей чаек. У меня и печенье имеется.

Но Лиза сразу же покачала головой и сослалась на диету.

– Ну пей, пей. Так вот, – и он затарахтел. – Есть те, коих от людей гонят. А среди них, кого сама земля отторгает. Мать Олечкина как раз из этих. Нет им покоя, вот и возвращаются. Кушать просят. А Олечка при матери повариха, стало быть.

– Эта мать, она вроде гигантской крысы?

– Это оттого, что из крыс в основном у Олечки выварень-то.

Глеб вспомнил длинные щетины на спине у крысы и подумал, это ведь могли быть перья. Голубиные.

Дед продолжил:

– Но это морок, не ее облик. Пока ест только выварень, навредить не может. Так, пугает. Пока Олечка варит, мать сыта. Потому я и предупреждаю всех насчет подвала. Свежую кровь ей пробовать нельзя. Никакой подвал тогда не удержит.

– А если Олечка выварень из собак станет варить? Мать собакой сделается? – не унимался Глеб. Его перестало трясти, и теперь он хотел одного: увериться, что не сумасшедший. Или чтобы кто-нибудь его уверил. Он покосился на Лизу, но та смотрела в кружку. Должно быть, Клавдия Михайловна ей эту историю каждый раз проговаривает. Что за дьявольский дом?

– Вроде того, – Трофим Иванович ощерился, пахнуло несвежим дыханием.

Глеб хотел было спросить, а как насчет людей, но не решился.

Трофим Иванович тоже замолчал. Лиза вцепилась в опустевшую кружку. От напряжения костяшки пальцев побелели. Девушка выглядела испуганной.

– Ясно, – выдавил Глеб, хотя так ничего толком и не понял. – Слушайте, Трофим Иванович, – начал было он, но запнулся на полуслове. Перед глазами замелькали черные точки, до слуха донесся знакомый шепоток. *Иди к нам.*

– Олечка и людей варит... – шепнул дед.

Глеб уставился на стену, силясь сконцентрироваться на синих цветочках. Смысл последней фразы деда доходил медленно. Краем глаза он заметил, как Лиза бесшумно прислонилась головой к стене. Обмякла. Кружка громко ударилась днищем о столешницу. Терлись боками бутылки на балконе.

– Слушайте, Трофим Иванович, что вы? – прохрипел Глеб, но снова не договорил.

– Ну, ну? – дед вперил в него мутные, навывкате, глаза.

Цветочки на стене расплылись пятнами, взметнулись вверх. Больно приложившись затылком о холодильник, Глеб упал на пол. Из последних сил промямлил:

– Сволочь...

* * *

Тусклая лампа покачивалась. Та самая, которую они не успели погасить. Кособокая тень прыгала с одной стены на другую. В вонючем тумане было сложно дышать. Коричневое марево клубилось, изрыгало отростки, похожие на щупальца, внутри шелестело и визжало, топотало тысячами лапок.

Так продолжалось очень долго, по крайней мере, ему казалось, что тело его давно разложилось. Он не чувствовал ног и рук, биения сердца, вообще ничего не чувствовал. Кроме тревоги. Ведь однажды марево рассеется и тогда он увидит ее. Гигантскую крысу с пастью-клювом, на тонких голубиных ногах, между которыми свисает огромное брюхо. А из мусоропровода прямо в глотку ей будут падать бурые сгустки выварения, который Олечка готовит как раз в эту минуту.

Приглушенный женский визг развеял дурь.

Первым, что он почувствовал, была нестерпимая горечь на языке. Вторым – вонь. Не резкая и острая, но удушливая, неотвратимая. Глеб тряхнул головой, втянул носом густые сопли. Во рту стало солоно. Хотел сплюнуть, но понял, что не может. Рот стягивала тряпка, из которой на язык сочилась та самая горечь.

По голой груди струился пот. Почему здесь так жарко? И темно. Он попробовал пошевелить руками, смахнуть назойливые капли, отряхнуться, но только неуклюже дернулся. Руки за спиной стягивали веревки. И ноги тоже. Кроме трусов, другой одежды на нем не было. Слабый свет пробивался сзади. Глеб вспомнил завешанные картоном окна.

Рядом снова раздался надрывный не то визг, не то стон. Он с трудом повернул голову.

Лиза сидела на стуле. В одном белье, с коричневыми подтеками по всему телу. Руки за спиной, ноги плотно привязаны к ножкам стула. Глаза девушки казались голубыми омутами

на чумазом лице, в них плескалось отчаяние и ужас. Волосы слиплись в сплошной бурый колтун. Грязная тряпка закрывала рот и ей. С потолка прямо на плечо шмякнулся сгусток. Лиза затряслась, отвернулась, по щеке побежали слезы, смывая на короткое время гниль.

Глеб тупил. Он никак не мог сообразить, что происходит. Перевел взгляд на потолок. Его скрывал густой, едкий пар. Из него то и дело выпадали ошметки выварения. Пол был заставлен канистрами с отрезанной горловиной. В некоторых скопилось больше половины. А в трех шагах от него на газовой плите стоял огромный чан. В нем непрестанно булькало, вылетали грязные брызги, вверх стремился густой темный пар. За край чана зацепилось ошипанное крыло, мясо отваливалось, обнажая проваренные косточки.

Озарение пришло внезапно, как удар обухом топора.

Они на кухне у гребаной Олечки, привязанные к стульям, почти голые. Видно, дед в трениках подсыпал что-то в чай. А Глеб-то хорош, махнул сразу залпом. Он зажмурился, чтобы не зарыдать.

Рядом всхлипывала Лиза. Тряпка во рту пропиталась гадкой жижей и сочилась, когда девушка стискивала челюсти. Ее взгляд умолял. Но Глеб не мог помочь. Он напряг руки, пытаясь немного ослабить веревки. Кажется, ему это даже удалось. По крайней мере, когда он ослабил мышцы, давление уменьшилось. Он повторил.

За дверью послышался женский голос:

– Павлушка, убери здесь! Сейчас новый ставить буду.

Дверь приоткрылась, в кухню юркнул Павлушка в дешевом полиэтиленовом дождевике. В руке у него была тряпка в разводах. Он даже не взглянул на пленников, принялся переставлять бутылки, переливать густое месиво из одной в другую. Глеба передернуло, когда сын хозяйки ловко подцепил пальцами упавший на пол сгусток и закинул в ближайшую бутылку. Тряпкой вытер пол. Дождевик усеяли бурые капли.

Глеб замычал, пытаясь привлечь внимание, но Павлушка и носом не повел. Встал и подошел к плите, помешал в чане огромной поварехой. А вот когда подала голос Лиза, повернулся, посмотрел на нее. Но взгляд, такой безжизненный, смилившийся, словно говорил: «Мне жаль, но я ничем не могу помочь». Он протолкнул крыло поглубже и вышел.

Вошла Олечка. Тоже в плаще, под которым угадывалась старая ночнушка. В руках она держала еще один чан, только пустой. Набрала воды, поставила рядом с первым. Зажгла газ. Все ее движения были такими четкими, выверенными, действительно, как у заправской поварахи.

– Сейчас, Матушка, накормлю тебя, – бухтела она. – Знаю, знаю. Надоели крысы да голуби.

Олечке кто-то отвечал. Ее фразы прерывались скрежетом и визгом, доносившимися прямо из стен.

– *Иди к нам...*

К черту вас! Никуда он не пойдет. Взгляд упал на лежащие на століке между плитой и раковиной инструменты. Ножи, топор и пила. В животе забилося, заухало. Сердце сжалось, а потом резко пустилось в галоп. Сам не пойдет, значит, по кускам в чан, едкой вонью к потолку, ошметками в баклахи и через мусоропровод в пасть.

«Олечка и людей варит...» От безысходности хотелось выть. Но вместо этого Глеб снова и снова напрягал и расслаблял руки. Веревка наконец поддалась, и он освободил большой палец.

Дверь приоткрылась. А вот и виновник торжества! Трофим Иванович тоже облачился в помятый полиэтилен. Проходя мимо Олечки, он шлепнул ту по широкому заду, игриво хихикнул.

– Аааа, – протянул он гнусаво, глядя то на Глеба, то на Лизу. – Вот и гости дорогие. Я ж говорил, не ходи в подвал, – дед погрозил пальцем. – Теперь вот придется вас дотошных скормить. Чтoб другим непoвaдно. Нельзя ей свежее есть.

Ноги его разъехались на скользком от выварения полу, и он растянулся среди бутылок, опрокинув несколько.

– Ах ты, старая козлина! – взревела Олечка и обрушила на Ивана всю мощь русского матерного.

Дед кряхтел, отругивался. Плащ задрался, треники вымокли в коричневой жиже. Он кое-как поднялся и виновато развел руками. Олечка взвизгнула:

– Павлушка! Убери! А ты, – она злобно зыркнула на деда, – давай режь. Пора уже.

– Да, да, да. Ты только не ругайся, душенька.

Дед взялся сначала за нож, но потом отложил его на столик. Ладонь легла на рукоять топора.

– Что ж, Лизонька, начну с тебя. Ты уж прости...

Павлушка протиснулся в кухню, начал собирать выварень с пола. Глеб заметил, как он смотрел на Трофима Ивановича. Почти вызывающе, с ненавистью, губа, над которой торчали редкие усики, приподнялась.

Лиза заерзала, попыталась закричать, но из-за тряпки получился хриплый стон. Глеб замычал так громко, как мог, стараясь привлечь внимание к себе. Глупо, конечно. Но ему хотелось дать этой хрупкой девушке еще несколько минут жизни. Вдруг ее будут искать. Вдруг ее бабушка догадается, где она. Но мерзкий дед даже не смотрел на Глеба. Он замахнулся. Девушка пискнула и зажмурилась. Глеб закричал что было мочи и рванул веревки. Высвободил одну руку, но с ужасом осознал, что все равно не успевает.

Павлушка вскочил на ноги, в руке у него мелькнул нож, тот самый, что минуту назад отложил на стол Трофим Иванович. Дед охнул, когда лезвие пропоролло плащ и вошло в горло, топор вывалился из рук, сбив еще две канистры. За ним повалился в жижу и сам сосед. Олечка обернулась и зажала рот рукой.

В тишине, нарушаемой лишь бульканьем в чане, раздался звонок. Кто-то забарабанил во входную дверь. Глеб за это время распутал вторую руку и сдернул тряпку с лица, принялся стягивать веревки с голых щиколоток. Ноги задеревенели, стопы почти полностью погрузились в выварень. Стук в дверь повторился.

– Откройте!

Голос показался знакомым. Снаружи слышались глухие удары.

Но Олечка не обращала внимания на то, что творилось вне кухни. Она схватила сына за волосы и швырнула на пол. Загрохотали канистры.

– Выродок! Смотри, что натворил!

На Глеба навалилась такая злоба, неистовая, лютая. Он перехватил руку сумасшедшей и с размаху впечатал кулак прямо в нос. Олечка отлетела к раковине, рука натолкнулась на рукоять кухонного ножа. Но, хитро крякнув, тетка взялась за пилу.

Глеб едва успел отпрыгнуть, запнулся о Павлушку и рухнул в скользкий вонючий сту-
день, прямо к ногам Лизы. Олечка гнусно захихикала, сжав крепче пилу, прыгнула. При-
знаться, Глеб не ожидал такой прыти от дряблой тетки, которая и сама походила на холодец. Она плюхнулась ему на грудь, приставила пилу к горлу, но Глеб вовремя успел перехватить ее запястья. Она давила все сильнее. Глеб задыхался от вони, от тяжести грузного тела, руки медленно, но верно слабели.

Внезапно Олечка закатила глаза, отпустила пилу и задрала руки, пытаясь нащупать что-то на спине. А потом повалилась в густую бурю дрянь. Позади стоял Зарип с ломом, а рядом с ним Клавдия Михайловна со злобной улыбкой.

– Получила, ведьма?! Будешь знать, как соседям гадить!

* * *

Участковый таки явился. И даже привел двух оперов. Морщась и отплевываясь, они выволокли тело Трофима Ивановича. Бессознательную Олечку и вновь безучастного Павлушку увезли санитары. Квартиру опечатали, обещали вызвать Санэпидстанцию.

Глеб и Лиза сидели рядом на ветхой укрытой ковром софе в квартире Клавдии Михайловны. Девушка, смущенно покосилась на него, расправила складки древнего крепдешинового платья. Сверху была накинута вязаная кофта ядреного малинового цвета. Влажные после душа волосы Лиза убрала за спину, позади на толстый ковровый ворс упали несколько капель.

Глеб натянуто улыбнулся в ответ. Сам он был одет в брюки с лампасами, перетянутые на животе толстым кожаным ремнем и широкую затхлую ветошь, которую пенсионерка назвала рубашкой. Кожа на ногах нестерпимо чесалась от колючих шерстяных носков. В общем, хотелось домой. Но сидевший напротив участковый достал ручку и бланк.

На вопросы отвечала в основном Клавдия Михайловна. Правда, все ее показания непременно сводились к жалобам. Зариб сидел на стуле возле окна и только кивал.

Когда пришла очередь Глеба, он рассказал все. Про выварень, про подвал, про мать Олечки, которая превратилась в крысу. Участковый не записывал, а глядел на него усталым, равнодушным взглядом. Наверное, сожалеет, что так рано отпустил санитаров. В конце концов, он ушел, пообещав вызвать каждого для дачи показаний. Клавдия Михайловна устремилась за ним, продолжая изливать душу. Лиза, хоть сама с трудом держалась на ногах, взяла бабушку под руку. Их голоса гулко отдавались в общедомовом коридоре. Хлопали двери. Это вездесущие соседи спешили узнать новости и воочию лицезреть участкового.

В комнате остались Глеб и Зариб. Первым заговорил сантехник. Он покосился на Глеба и виновато произнес:

– Вы извините, что удрал после подвала.

– Да брось, – устало ответил Глеб, – я и сам готов был удрать, но сдуру пошел разбираться.

Он и вправду никакой обиды не держал, к тому же парень спас ему жизнь. Только вот оставалась одна загвоздка.

– Зариб, есть дело.

Глаза сантехника расширились, в них заметался ужас. Он часто замотал головой и выпалил:

– Я туда не пойду, не просите!

Глеб даже удивился, как уверенно звучал собственный голос.

– Я и не прошу идти в подвал.

Сантехник немного успокоился, и Глеб продолжил:

– Сгоняй в хозяйственный и купи весь крысиный яд, который у них есть. Я здесь подожду.

А то меня в таком виде прямиком в диспансер отправят.

Зариб на радостях, что в подвал лезть не придется, управился за полчаса, и они вдвоем высыпали отраву в мусоропровод. В трубе заклокотало, зачавкало.

– Приятного аппетита.

Глеб поплотнее прижал крышку и подмигнул Зарибу.

* * *

Черемуха давно отцвела, легкий ветерок колыхал вдоль тротуара березовую пыль. Заскрипели скобы. В лицо пахнуло сыростью.

– Как думаете, сдохла она?

Зариб топтался на лестнице, покусывая ногти и не сводя взгляд с подвала.

Глеб включил фонарь, направил луч в темное сырое нутро.

– Конечно сдохла, месяц прошел, – ответил он, пытаясь унять дрожь в коленях. – Зови дворника.

Зариб подозвал рабочего, курившего неподалеку.

– Стой здесь. Следи, чтобы дверь не захлопнулась, – скомандовал он и поднял чемоданчик с инструментами.

Глеб одобрительно кивнул и шагнул внутрь первым. Хотелось побыстрее закончить с этим делом. Он планировал уйти сегодня пораньше, принять душ и купить цветов. Вечером они с Лизой договорились сходить в кино.

Коридор повернул. Как и предполагал Глеб, лампа погасла сама собой. Зариб пощелкал выключателем, но без толку – перегорела окончательно. Пахло сырым бетоном. И только. Глеб выдохнул, немного успокоился. Тишину подвала нарушал лишь глухое шарканье их собственных шагов.

Зариб, хоть и оглядывался каждую минуту, тоже немного осмелел, подошел к трубам и принялся их осматривать.

Глеб приблизился к стене, отделяющей мусороприемник. Как же мать выползла в тот раз, если здесь цельная кладка? Вспомнил слова покойного Трофима Ивановича. *Но это морок...* Он посветил вниз. В самом углу, где стена мусороприемника примыкала к несущей, луч фонаря внезапно повалился в темную маленькую норку. Глеб присел на корточки. Ну точно, крыса как раз протиснется. Он наклонился, пытаясь рассмотреть что-то внутри. Едва уловимый сладковатый дух пробивался сквозь щель. Уже не вонь, так, запашок. Мелькнула боковина грязной пластмассовой бутылки. Придется ломать стену. Нужно убрать там и запустить мусоропровод.

– Ай! – раздался вскрик.

Глеб вскочил на ноги, повернулся.

Зариб стоял возле труб и глазел на свою ладонь. Кисть прочертили кровавые полосы. С большого пальца первые капли упали на пол.

– Зараза! – выругался он. – Ключ соскочил.

Глеб затаил дыхание. Всякое, конечно, бывает. Но отчего тогда противно заныло в груди? Зариб вытер руки о штанину и снова взялся за ключ.

– Стой, – тихо произнес Глеб. – На выход. Быстро.

Моргнула лампа и сразу погасла. Входная дверь со скрипом и лязгом закрылась. Что-то зазвенело там, где были трубы. Раздался шорох и треск, зачмокало.

Глеб почувствовал, как подкосились ноги, он сделал усилие и не стал оборачиваться, пошел к двери. Свет фонаря ткнулся в ржавое железо, за которым должен был следить дворник. Какого хрена? Глеб ударил кулаком. От страха он совсем обессилел и удар вышел слабым.

– Открой, – вместо крика вырвался сдавленный хрип. – Открывай, сволочь, – последнее слово он простонал. Но что-то подсказывало, что дворник его не слышит. Для него, должно быть, дверь открыта.

За поворотом чавкало, трещала и лопалась ткань.

Стиснув зубы, Глеб прижался лбом к холодной двери. Медленно повернул голову, но луч фонаря не поднимал. Слишком страшно было осветить поворот.

Он не сразу понял, что звуки стихли.

Пока Олечка варит, мать сыта. Она ведь должна была сдохнуть, отравы хватило бы на крысиную армию. По-прежнему тихо. Глеб постарался унять бешено колотящееся сердце. В прошлый раз его спас звонок Лизы, развеял морок, и дверь удалось открыть. Трясущейся рукой Глеб вытащил телефон, попытался разблокировать экран, получилось только с третьей попытки.

Зашуршало совсем рядом. Глеб вскинулся, телефон с гулким стуком упал на бетон. В мертвенном свете фонаря стояла фигура. Серая, иссохшая плоть обтягивала сухожилия. Остро топорщились кости. Две длинные, похожие на пустые мятые мешки, груди свесились до живота. Покрытая струпьями кожа отслаивалась и облетала. Рот твари был перемазан кровью, с нижней губы свисал белесый ошметок. В пустых бельмах глазниц читался звериный голод.

Глеб задрожал, а мать Олечки, шаркая босыми ногами, приблизилась. От нее пахло свежей кровью и немного аммиаком. Глеб даже не вскрикнул, когда острые когти разорвали рубашку и впились в живот. Тело совсем перестало слушаться. Он сполз по стене.

Посветлело. Сквозь чавканье и урчание прорвались громкие крики и вопли на улице, но Глебу было уже все равно.

Ольга Поезд Тасоом

Часть первая Генри Купер

Красное табло «пристегнуть ремни» мигало в темноте. Самолет начало трясти и тянуть на левый борт.

Толчок. Посыпались сумки, разревелся младенец. Кого-то стошнило. Я вцепилась в подлокотники еще сильнее. Поможет ли это?

Я сидела в самом хвосте самолета, старуха на соседнем сидении молилась.

Что под нами? Океан? Иллюминаторы зияли черными дырами.

– Сохраняйте спокойствие, сохраняйте...

Слова стюардессы заглушил рев двигателей. Люди закричали.

Меня охватил... стыд.

Все эти бесполезные дни, суицидальные мысли.

За что мне стыдно? За них? Или за дикое желание выжить?

Страх очистил от всего.

Жить! Жить! Жить!

Я почему-то вспомнила бабушку.

Боже, прости меня за все эти мысли, прости.

Новый толчок. Тело рвануло вперед. Ремень врезался в живот.

Я стукнулась головой о переднее сиденье.

Подлокотники не помогли. Меня сорвало, как тряпичную куклу и тут же вдавило обратно в кресло.

Выпали маски, взвыла сирена.

И крики, крики...

Я хочу жить, как я хочу жить. Пожалуйста, пожалуйста!

Но следующий толчок оглушил.

Я проснулась от собственного крика.

Я в кровати. О, Боже, я в кровати!

Руки тряслись. Волосы прилипли к потным щекам.

Вдох-выдох. Вдох...

Я откинула мокрые простыни, и на трясущихся ногах помчалась в ванную.

Что с тобой стало?

Из грязного зеркала смотрели два испуганных черных глаза. В тусклом люминесцентном свете бледная кожа отдавала зеленым. Или она и правда позеленела?

Круги под глазами, набухшие вены. Я умираю?

Руки затряслись еще сильнее. Я открыла шкафчик за зеркалом и достала таблетницу.

Кто придумывает эти мелкие заклепки? Как старики должны добывать себе лекарства?

Наконец, целая горсть таблеток высыпалась на ладонь.

Их вес уже успокаивал. Благослови того, кто придумал делать деньги на лекарственных препаратах.

Я отправила таблетки в рот и запила водой из-под крана.

Противотревожное, антидепрессант, противосудорожное и антиаритмическое.

Полный набор человека, пережившего авиакатастрофу.

Я присела на край ванной. Как говорил доктор Престен? Заземляемся. Ледяной шершавый пол, босые ноги, холодная ванная под задницей. Дурацкая лампа мерцает. Надо ее поменять.

«Пристегните ремни».

Я тряхнула головой и снова встретила взглядом с зеркалом.

Во мне мало индейского, я больше похожа на белокожего отца, но эти горящие черные глаза выдают меня с потрохами. Глаза мамы, глаза бабушки, глаза шайенов.

И мамины волосы. Длинные и черные.

Серые предрассветные сумерки наполняли квартиру. Но я не стала включать свет. Так спокойнее.

Да и квартира настолько крохотная, что руки выучили ее наизусть.

Тремор утих. Я заварила чай, но аппетита не было совсем. То ли от таблеток, то ли от тревоги. А скорее всего, и от того, и от другого. Я и до катастрофы выживала почти на одном кофе, а теперь...

Даже в сумраке на черном пластике кофемашины виден слой пыли. Кофе мне нельзя – начнутся панические атаки.

Вот такой достойный выживший. Герой.

Неужели среди 124 пассажиров достойна жизни оказалась только я?

В этом мире нет ни логики, ни справедливости.

Чай оказался омерзительно крепким. Я насыпала немного сахара, но не нашла ни одной чистой ложки в груде грязной посуды у раковины. На помощь пришла китайская палочка из вчерашнего засохшего вока. Иногда мне кажется, что мусор разрастется по квартире и поглотит меня спящую. Так и найдет свой конец «чудом выжившая из Миннесоты».

Я помешала сахар обратным концом палочки и села за хлипкий столик у окна.

Стекло было грязное, подоконник завален пыльными книгами, цветок окончательно засох.

И все же... Вид за окном успокаивал.

Сент-Пол просыпался.

Тускнели фонари, неспешно проезжали первые машины, на горизонте розовело небо.

Я снимала квартиру на шестом этаже, что для даунтауна достаточно высоко, так что я могла себе позволить такую роскошь, как кусочек предрассветного горизонта.

А если подняться на девятый этаж и выйти на крышу, то можно увидеть восточную часть города, разделенную огромной темной рекой Миссисипи.

Раньше я любила сидеть на крыше, любоваться городом и предаваться мечтам. Такое чувство, будто я борюсь за эту жизнь, чтобы спокойно помечтать.

Перед выходом из дома, я сунула в карман старой вязаной кофты таблетницу и накинула на шею амулет. Резной брусочек кедра с маленьким пером на кожаном шнурке. Его когда-то сделала для меня бабушка. Она говорила, что амулет поможет преодолеть невзгоды.

Прости, бабушка, но таблетки пока помогают куда лучше.

На улице было свежо, асфальт намок. Видимо, ночью прошел дождь. Я всегда любила сентябрь. Лето в Миннесоте ужасно жаркое и душное. Все эти индустриальные застройки из кирпича и бетона покрываются ржавой пылью и потеют в ожидании дождя.

В резервации, в Монтане, мне казалась ужасно привлекательной жизнь в городе хайвеев и театров. Я смотрела фильмы о студенческой жизни, воображала себя редактором местной газеты, а в будущем и работником какого-нибудь книжного издательства или даже писателем...

В те времена я безумно радовалась переезду, общежитию, городу. Думала, что вырваться из резервации – это самое сложное. Но со временем понимаешь, что сложно не переехать, а

найти в этом городе себя. Будто призрак наполненной жизни ходит по тем же улицам, но тебе остается лишь слышать эхо его смеха.

Как оказалось, филологический факультет дает кое-какое знание английской литературы и два пути развития – учителем и официанткой.

Поработав и тем, и другим, я нашла свое пристанище в книжном магазине на Седьмой западной улице. Вот так. Лауреат Нобелевской премии по физике погиб, а я выжила, чтобы продавать детективы в дешевых переплетах и протирать полки от пыли.

От моего дома до магазина всего десять минут ходьбы, но сегодня я шла окружным путем. Мне нужно подышать.

Первые две недели после катастрофы я проходила по девять миль каждый вечер, чтобы хоть чем-то занять беспокойное тело. Потом валилась с ног от усталости, не могла ни думать, ни плакать. Просто хотела спать. Но каждую ночь просыпалась от кошмаров.

«Сохраняйте спокойствие, сохраняйте...»

Погасли фонари.

Я обогнула грузное здание оперы и прошла под аркой на пешеходную улицу. Седьмая западная, выложенная неровной брусчаткой. Здесь с нашим магазином соседствуют только театры и мелкие кафешки.

Как обычно, я пришла первая. Черная ролета, намокшая под дождем, была опущена, наружные фонари не горели. Я нащупала ключ в кармане джинсов и наклонилась к замку, но что-то привлекло мое внимание. Какое-то движение...

Я повернулась к висячей вывеске «Heart's bookshop» и обомлела. Сова. Настоящая белая сова. Сидит на вывеске, будто так и надо, не сводит с меня круглых желтых глаз.

Это так странно. Ее взгляд завораживал. Она смотрела прямо в меня, будто прилетела на встречу, про которую я случайно забыла.

Если бы не легкие движения головы, можно было подумать, что это макет... игрушка.

– Хэй?

Сова слегка склонила голову, но с места не сдвинулась.

Как такое возможно? Разве эти птицы могут залететь в город? Может, она чья-то?

– Лео?

Я вздрогнула. За спиной из-за угла показался Джей – сын хозяина книжного.

– Джей, посмотри на это...

Я повернулась обратно к вывеске, но сова исчезла. Будто ее и не было. А может, ее и не было?

– На что посмотреть? Что-то с вывеской?

– Там... была сова.

Или не было? Доктор Престен предупреждал, что у лекарств много побочных, включая дезориентацию и галлюцинации. Но пока со мной такого не случилось.

– В смысле, настоящая сова?

Я не знала, что ответить.

Может, не стоило и говорить? Хотя, я не боюсь показаться безумной Джею. Он та батарея, что хоть как-то поддерживает мое бессмысленное движение в пространстве.

– Настоящая. По крайней мере, мне так показалось.

Джей достал связку ключей и открыл ролету:

– А ты не могла принять за сову, скажем, голубя, Лео?

Ему нравится звать меня Лео. Хотя мое полное имя Леола. Джею кажется Лео забавным. А мне нравится, когда он дурачится. Меня вдохновляет его свобода. Делает что хочет, умеет наслаждаться собой и жизнью. Он отучился на физмате, просто потому что нравилось, а потом осел в книжном – влюбился в дело отца.

– Это же не я продала «Алхимика» Лавкрафта вместо «Алхимика» Коэльо, правда?

– Я знал, что ты мне это припомнишь!

Мы вошли внутрь. Первые лучи солнца уже пробивались сквозь граненые стекла витрин, высвечивая в воздухе блестящую пыль. Я все же рада, что жизнь занесла меня в это место. Среди книг я чувствовала себя спокойней. Они наполняли меня своей бессмертной энергией.

Джей зажег свет и побрел наверх неспешной походкой рок-звезды.

Они с отцом – выходцы из племени оглала в Южной Дакоте. Мистер Харт уже совсем седой и неповоротливый, но Джей говорит, что в семидесятые он был тем еще активистом, участвовал в АІМ и даже был арестован в замесе у Вундед-Ни. Не представляю, через что ему и его жене пришлось пройти, чтобы открыть свое дело в большом городе. Я бы так не смогла.

Сам Джей немного младше меня и чем-то походит на молодого Джонни Деппа. Горящие карие глаза, волосы до плеч, смуглое острое лицо и потрясающая улыбка.

Если бы не стойкие флюиды младшего брата, роль которого он и исполнял в своей семье, пожалуй, Джей мог бы меня очаровать. Но я рада, что обрела в его лице друга. Они с отцом сразу же взяли меня на работу. И, думаю, дело не только в хорошем знании писателей новой волны... Такие, как мы, обычно помогают друг другу. И это не кажется чем-то зазорным. Наш народ привык держаться вместе. Нам легче работать, общаться и доверять друг другу. Быть открытыми. Хотя в Сент-Поле я ни разу не сталкивалась с притеснениями, но и радушными людей здесь не назовешь. Со студенческой подругой Айаной из Сомали мы переделали знаменитое Миннессота найс (так местные называют свой сдержанный приветливый темперамент) в Миннессота айс. Разница в темпераменте всегда мешает сблизиться. А с моим народом еще сложнее. Иногда я замечаю на лицах тень вины. Как после такого можно сблизиться? Я не хочу вины, не хочу жалости.

Порой мне кажется, что искренность умерла, осталась только толерантность.

– Чай будешь?

Голос Джея звучал на втором этаже, где у мистера Харта спрятался маленький кабинетик.

Я поняла, что так и стою у входа и рассматриваю покачивающуюся вывеску. Взгляд желтых глаз не выходил из моей головы.

Я прокричала в ответ:

– А нет чего покрепче?

– Конечно есть, но не для тебя.

Джей пытался перевести мое состояние в шутку. И мне это нравилось. Это лучше, чем сострадание. И уж точно лучше, чем жалость.

Я поднялась по скрипучей лестнице наверх. Второй этаж был больше похож на деревянный балкон, тянущийся по периметру магазина и огражденный невысокой балюстрадой, будто в старинных европейских библиотеках. Прямо над кассой, среди книжных стеллажей, затесалась маленькая кривая дверь в облюбованный нами кабинет мистера Харта. Письменный стол, чайник на тумбе у окна и новенький шкаф с самыми ценными изданиями.

Джей протянул мне кружку и присел на подоконник:

– Как ты?

Я усмехнулась:

– Так плохо выгляжу?

– Ну... будто сбежала из больницы доживать последние деньки на воле.

Мы оба улыбнулись.

– Наверное, и чувствую себя так же.

– Таблетки не помогают?

Я пожалала плечами и сжала кружку. Пить не хотелось, но руки согревались.

– Мы же не знаем, что бы было без таблеток, верно?

Джей изучал меня пронзительным взглядом.

– Хочешь, поедem куда-нибудь на выходные? На озеро? Или в Чикаго? Можем Айану взять. А? Тачку арендуем и рванем.

– Ты опять разбил свою машину?

– Уходишь от темы.

Я вздохнула и поставила нетронутый чай на стол.

– Спасибо, Джей. Но, боюсь, у меня нет на это сил.

– Физически или морально?

– И так, и так.

– О'кей, я не наседаю, ты меня знаешь. Но я всегда рядом, хорошо?

Я улыбнулась, и на душе стало теплее:

– Спасибо.

Посетителей в магазине немного. Мы всегда выходим в плюс, но большую часть прибили обеспечивают студенты, запасаются канцеляркой и тетрадями. Так что мои познания в литературе не особо и пригодились. Правильно считай деньги, клей ценники и следи за тем, чтобы все томики были на своем месте. Но даже когда магазин пустует, я брожу среди стеллажей, перелистывая красивые издания, ровняя корешки и повторяя любимые фразы.

Каждая книга обладает собственным запахом. Старые пожелтевшие страницы пахнут кофе и табаком. А свежие обычно отдают кислинкой. Их блестящие чернила источают запах смолы, глины, земли...

Дверь хлопнула, прозвенел колокольчик. В магазин вошел мужчина в бежевом плаще, с блестящим портфелем в руках и обвел взглядом комнату, будто сам не понял, зачем сюда зашел. Такие клиенты часто ищут конкретный перевод в конкретном переплете. Но обычно ничего не покупают.

Я закрыла томик Китса, поставила на место и вернулась за стойку.

Мужчина бросил на меня любопытный взгляд, прочел бейджик и тут же направился наверх.

Мой бейджик гласил: *Леола Джонсон, консультант Heart's bookshop.*

Папа гордился своей фамилией и часто произносил ее на манер Йансон. До того, как родители развелись и нам с мамой пришлось вернуться в резервацию, папа любил повторять, что в моей крови истинный Запад встретился с истинной Америкой. Мне и тогда это казалось отталкивающим, а теперь и вспоминать тошно.

Джей выкатил тележку с новыми книгами в зал и вопросительно кивнул в сторону мужчины, который рассеянно бродил меж книжными рядами.

Я пожалала плечами.

Наконец, он сделал выбор. Передо мной лег томик Китса. Тот самый, что я читала перед его приходом. Мне стало не по себе.

Мужчина был средних лет, рослый и все время потирал щетину сухими пальцами.

– Это все?

– Да, будьте добры.

Но его глаза говорили обратное. Он что-то хотел. Но нервничал. Пару раз оглянулся на Джея, разбиравшего книги в дальнем углу.

Я навела сканер на книгу.

– Извините, вы Леола Джонсон, верно?

Вот. Началось. Я замерла и кивнула.

Мужчина улыбнулся, обнажив желтые от никотина зубы.

– Видите ли...

Он нагнулся, достал что-то из портфеля и протянул мне.

Визитка. Я взяла ее, с трудом понимая, что происходит.

Генри Купер.

Специальный корреспондент New-York Times.

+1 347 321 40 52

О, нет. Сердце стукнуло в желудке и замерло.

Но Генри Купер продолжил:

– Я расследую причины катастрофы рейса MS1036 Миннеаполис – Сан-Хосе. Мне очень жаль, что вам пришлось пережить эту чудовищную катастрофу, и я понимаю, как тяжело вам об этом говорить, но... Ваши сведения могли бы помочь мне пролить свет на произошедшее.

Ему жаль. Но в его голосе не слышалось жалости. Я не могла отвести взгляда от глянцевой визитки. В глазах темнело.

Тем временем Генри Купер доставал блокнот:

– Я понимаю, об этом сложно говорить, но вы единственная... выжившая того рейса.

– Я не понимаю, что вы хотите. Я не...

Туман. Меня поглощает туман. «Пристегните ремни». Вода. Вода в горле, в носу. Я не могу дышать.

Видимо, Генри Купер понял, что простого диалога не получится. Он развел руками:

– Простите. Наверное, я появился как-то неожиданно. Давайте лучше договоримся о встрече? Во сколько у вас заканчивается рабочий день?

Он пиранья. Пиранья, от которой уже не отбиться. Я отступила назад и уткнулась в стойку с открытками. Что-то упало.

– Эй, приятель, какие-то проблемы?

Джей! Как я рада, что ты пришел! Спаси меня от этой пираньи, спаси!

– Нет, никаких проблем. Мы с Мисс Джонсон просто беседуем.

Джей окинул взглядом меня, потом посмотрел на визитку, и в его голосе зазвучал металл:

– Я думаю, вам лучше уйти.

– Вы выгоняете меня?

Джей выпрямился и неожиданно оказался на несколько дюймов выше Генри Купера, с его огромной щетинистой головой:

– Вежливо прошу.

Купер просверлил взглядом Джея, потом меня. Я просто пыталась дышать. Вдох – выдох. Вдох...

– Не понимаю вашей реакции, мисс Джонсон. Это глупо. Ваши показания могут помочь...

Джей ступил вперед:

– Кому они могут помочь, Генри? Тебе? Получить гонорар?

Видимо, мужчина осознал всю безвыходность ситуации, сгреб портфель и сунул туда блокнот, не сводя с меня глаз и выдыхая себе под нос что-то в духе «не понимаю».

Наконец, он развернулся и последовал под чутким конвоем Джея к выходу. Но уже стоя на пороге обернулся:

– А что, если я скажу вам, что в той катастрофе не выжил никто?

Джей захлопнул дверь, прямо перед его носом.

Я больше не могла сдерживаться. Побежала в туалет и кинулась к унитазу. Весь утренний чай вышел наружу.

Вода заливается в легкие...

Я повалилась на пол, чувствуя, как по щекам бегут горячие слезы. Руки опять затряслись.

Кому это поможет?

«Не выжил никто».

Я знаю, кто выжил. Я! Только я! Ни младенец, ни молодожены, ни нобелевский лауреат!
Только Я!

Ну зачем? Почему?

Я затарабанила кулаками по голове.

– Лео?

Джей стучал в дверь.

Так. Таблетки. Я нащупала в кармане таблетницу и высыпала содержимое прямо в рот.

#

Часть вторая

Тень

Я падала в темноту. Надо мной раскинулось красное табло «Пристегните ремни». Оно было больше меня и больше самого неба. Я усмехнулась – уже поздно. Я лечу в пустоту.

А в пустоте вспыхнули желтые круглые глаза. Сова.

Шепот наполнил уши и эхом улетел вдаль:

– Тасоом. Тасоом.

Мне показалось, или это голос бабушки?

Я упала в воду. Ледяную, жгучую. Здесь не разобрать, где дно, а где поверхность. Куда двигаться, куда плыть. Я закричала, но вместо крика вырвались лишь белесые пузыри воздуха.

Вода заливалась в горло, в нос. Легкие расширялись, грудь распирало изнутри. Я отчаянно хотела вдохнуть!

Внезапно меня вытолкнуло на поверхность. Я вынырнула из вод Миссисипи и тут же спряталась в тени бетонной набережной. Мимо проплыл пароход, осветив ночную мглу прожекторами.

Мое тело двигалось бесшумно и быстро. Или у меня не было тела? Все изгибы русла оставались позади за секунды. Или кто-то мотал время вперед?

Я оказалась у причала, где грузовые контейнеры стояли железными башнями, создавая Великую Тень.

Я скользила между рядов, будто в лабиринте. Я знала, что ищу.

Рядом со старым поржавевшим контейнером стояла груда коробок и лежало тело.

Я скользнула ближе. Толстый бородатый мужчина в грязной поношенной одежде. Воняет мочой.

Я наклонилась.

Его глаза распахнулись. Лицо исказил ужас, нижняя челюсть упала до самой груди. Он завизжал.

Завизжала и я.

Я подорвалась в кровати и судорожно втянула воздух. О, Боже, это опять сон.

Сон.

Но проснулась ли я?

Видимо, нет. Я не могла поверить своим глазам.

На подоконнике, у открытого окна сидела сова. Неподвижно. Ветер играл ее белыми перышками. Глаза желтели в утреннем сумраке.

Я ущипнула себя. Больно.

Казалось, она отреагировала на мое движение – расправила крылья и вылетела из комнаты. Я кинулась к окну. Никого. Лишь ветер окутал мое потное дрожащее тело.

– Я говорю тебе, меня преследует сова.

– Ну хорошо хоть не бешеный пес.

Я кинула в Джея ручкой. Мы сидели на полу в детском отделе и разгребали бардак. Дети имеют свойство брать книги и класть их куда душе угодно.

– Может, сходишь к своему мозгоправу? Вряд ли это хороший знак, Лео.

– У нас встреча на следующей неделе. Не хочу ничего менять.

– Ты его боишься?

Я задумалась, ощупывая рельефный томик Алисы в стране чудес.

Боюсь ли я доктора Престена? Я вспомнила его причесанную бороду, узкие приспущенные очки, аккуратно выглаженную рубашку. Нет, не боюсь. Мне неприятны его вопросы... О том, чего я хочу, почему ругаю себя. Мне всегда хочется ответить – не знаю.

Я покачала головой:

– Нет, не боюсь. Но мне нечего ему пока сказать.

– Кроме того, что тебя глючит?

Я улыбнулась:

– Кроме того, что меня глючит.

А может, это не глюк? Странно. Очень странно. Надо почитать про галлюцинации. И про кошмары. Открытый рот бездомного промелькнул перед глазами. Это просто сон. Бред твоего воспаленного мозга.

Как же хотелось выспаться. Хотя бы часов шесть. Без кошмаров и панических атак.

Джей сложил раскраски в стопку и выпрямился, разминая ноги:

– А может, это и неплохо?

Я с трудом вырвалась из мыслей:

– Что неплохо?

– Глюк. Сова. Ты хотя бы оживилась. Думаешь о чем-то другом. Может, так твой мозг хочет тебя развлечь?

– Если это все, что он придумал...

Мы рассмеялись.

Зазвенел дверной колокольчик.

– Есть кто живой в этом склепе для старых книг?

Я узнала голос. Айана.

– Это ты ее позвал?

Джей улыбнулся. Сама невинность.

Айана была моей подругой из колледжа. Она иммигрировала в Миннесоту из Сомали в 2009 году с мамой и тремя братьями. Мы сразу нашли общий язык, хотя и были совершенно разные. Айана целеустремленная и прямолинейная. В отличие от меня, она сразу нашла свое место – устроилась в языковой центр и помогала освоить язык таким же иммигрантам, как она.

– Вот вы где! Решили сказки на ночь почитать?

На ней был оливковый хиджаб, на смуглом лице светилась улыбка.

Я только сейчас поняла, как соскучилась.

Мы обнялись. От нее пахло розой и сандалом. Я почувствовала тепло.

– И что вы, ребята, задумали?

А задумали они меня отвлечь. И, надо сказать, у них это получилось.

Они повели меня на живой концерт местной инди-группы. Мы сидели за барной стойкой, слушали музыку и болтали о всякой ерунде. Айана ищет помещение для школы, Джей копит на очередную гитару. В какой-то момент я вдруг осознала, что люди вокруг настоящие, живые. С реальными желаниями и заботами...

Я даже с аппетитом съела порцию гренок с чесноком и сыром. Правда, пришлось весь вечер пить только безалкогольное пиво...

Зато Джей успел хорошенько накидаться:

– А травку тебе можно?

Я задумалась. Про травку доктор Престен ничего не говорил. Или это само собой подразумевается?

Айана отказалась сразу.

Мы с Джем вышли на свежий воздух, спрятались за пожарной лестницей и раскурили косяк на двоих. Я пробовала травку в колледже и не скажу, чтобы осталась в восторге. Но сейчас желание расслабиться превратилось в навязчивый неутолимый зуд.

Джей выдохнул вместе с дымом:

– Хорошо все-таки жить.

С этим я согласиться не могла. Но вечер сделал жизнь более сносной.

Я затянулась.

– Эй, только один раз, и все, не хочу, чтобы у тебя поехала крыша.

Я выдохнула. Голова закружилась:

– Поздно, мою крышу уже не догнать.

Я снова вспомнила искореженное ужасом лицо бездомного:

– Мне сегодня снилось, как я убиваю человека. Или даже не убиваю. Скорее, он будто испугался меня до смерти. И его лицо...

Отвисшая до груди челюсть.

Джей забрал у меня косяк и улыбнулся:

– Ну ты, конечно, в последнее время выглядишь жутковато, но вряд ли могла напугать кого-то до смерти.

Я усмехнулась, но сердце тут же сжалось:

– Просто... Все казалось таким реалистичным. Будто я там была.

– Мне иногда снится девушка из соседнего кафе, и, поверь мне, выглядит она крайне реалистично.

– Прекрати...

– Ну либо... – Джей сделал затяжку. – Либо ты можешь видеть, как смерть забирает людей. Мама говорит, бабушка обладала даром видеть рождение и смерть. Она была шаманкой. Уж не знаю, правда это или нет.

Я улыбнулась:

– Мою бабушку тоже так называли. Она вроде как лечила от болезней и тревог. К ней приходили со всей резервации. Как по мне, она просто хорошо разбиралась в травах.

– Ну... Вот тебе немного мудрости от племени оглала: между знанием и даром тонкая грань.

Я разулыбалась:

– Мне нравится.

В голове заплясали огоньки. Я почувствовала, как расслабляются плечи. Почему бы доктору не прописать мне траву?

Джей докурил и кинул окурочек в канализацию:

– А знаешь... Я иногда думаю, это ведь мы с Айаной предложили тебе скататься на Коста-Рику. Ты могла выбрать любое направление. Но мы разрекламировали...

Да, я могла бы выбрать Мексику или Кубу.

– Брось. Кто мог предположить такое? Тем более я мечтала увидеть океан.

И увидела, только изнутри.

– Да, ты права. И все-таки паршиво вышло.

Я знала, что за Джея говорит алкоголь. И в нормальном состоянии он бы не стал напоминать мне о том, как паршиво все вышло. Тем более в миг, когда я перестала об этом думать. Мне захотелось стереть этот разговор. Жаль, что мы не можем стирать разговоры и события по желанию.

Я вернулась домой с легким головокружением и острым чувством голода.

Холодильник был пуст, так что пришлось варить макароны. Но пока я ждала, когда вскипит вода, краски снова померкли. Вот так. Без причины. Травка совсем отпустила, а вместе с ней ушло и воодушевление. Я почувствовала себя разбитой на части. Силы покинули меня. Я поела недоваренные макароны с кетчупом и завалилась спать, не раздеваясь.

Из плюсов – я уснула быстро.

Из минусов – кошмары не хотели оставлять мое измученное сознание.

Красное табло «пристегнуть ремни» загорелось в темноте. Самолет начало трясти и тянуть на левый борт.

Новый толчок оглушил.

Я стала тенью. Бесплотной тенью, рыскающей по ночному городу. Фонари жгли глаза. Я перемещалась во мраке. Под навесами, за деревьями. Быстро, словно проматывая пленку вперед. Кошка встала на дыбы и зашипела.

Женская фигура дрожит на горизонте. Зонт. Стук каблуков по мостовой.

Шаг. И я уже за ее спиной. Зонт медленно поворачивается. Зеленые глаза расширяются, рот открывается неестественно широко. Лицо искажается в ужасе. Она падает без чувств.

Все погружается во мрак.

– Тасоом.

Да, это голос бабушки.

Она зовет меня. Но в темноте никого нет.

– Тасоом.

Я вижу дерево. Пораженное молнией дерево. На одной из ветвей сидит сова. Но, как только я приближаюсь, она срывается и улетает.

– Тасоом.

Бабушка?

Я просыпаюсь.

На этот раз не в панике, а с ощущением присутствия. Будто шепот был здесь, в настоящем.

Но развеялся, стоило открыть глаза.

Я зажгла прикроватную лампу. Комната была пуста.

Рельеф амулета ощущался через потную майку. Может, его присутствие и напомнило мне о бабушке? Как говорит доктор Престен, не знаешь, что впитает в себя подсознание.

Три сорок пять. Спать больше не хотелось. Я пошла в душ, встала под струю теплой воды и закрыла глаза.

Тасоом. Значит, тень. Душа. Для шайенов это одно и то же. Но почему это слово пришло в мою голову?

Воспоминания о бабушке начали мучать мою душу. Ее мягкие морщинистые руки, пахнущие травой и землей, гранатовый подол платья, длинные седеющие волосы. Она пела мне песни тихим хриловатым голосом. Песни на языке шайенов. Мне кажется, я любила бабушку больше, чем маму. И она любила меня. Называла чудом. И относилась как к чуду. Она умерла, когда я училась на втором курсе. Наверное, с этого и началась череда моих депрессий и тревог.

Или раньше?

Надо выпить таблетки.

Спать так и не хотелось. Не знаю, чего я боялась больше – очередного кошмара или тихого шепота бабушки.

Перед глазами всплыло искореженное ужасом лицо женщины с зонтом. Мой мозг болен.

Я надела парку и вышла в ночной город. Улицы всегда принимали и разделяли мою боль.

Холод пахнул в лицо, развевая остатки сна.

Ноги сами несли меня в путь. Мимо разрисованного граффити дома, вдоль пустынных трамвайных путей, вниз, в потемневший от сырости переход под железной дорогой, и вот передо мной раскинулась великая река Миссисипи. Ее течение не было быстрым, но даже слабый шум воды успокаивал. Я слышала, как она качается в русле, плещется в заводях, неспешно продвигаясь вперед.

Огни города отражались в этой реке. Белые, желтые, красные... Смешивались на темном полотне воды и дрожали, будто размытые краски.

Я прошла по бетонному мосту и оказалась на восточном берегу – район парков и старых частных домов. Здесь искал свое вдохновение не менее грустный Фицджеральд. Но он умел превращать чувства в прекрасные слова. А я... За годы, проведенные в Сент-Поле, я поняла, что любовь к чтению еще не делает тебя писателем.

Возможно, книги для меня просто излюбленная форма эскапизма?

Я остановилась у кленовой рощицы и взглянула на город поверх реки. Он стоял недвижно. Собрал в гроздь все свои небоскребы, провода, застывшие краны.

Я захотела перейти на другую сторону набережной, но остановилась. На асфальте под моей кроссовкой трепетал флаер с летящей белой совой.

Мимо промчался мотоцикл. Я отпрянула назад. Холодный порыва ветра растрепал волосы. Надо же, еще один шаг, и мотоцикл снес бы меня вместе с моей грустью. Может, так было бы и лучше.

Рев мотора улетел вдаль. Казалось, такой громкий звук должен разбудить весь город. Но город спал. Я была одна. Одинокий призрак этого города.

Ветер зашелестел в кленовых листьях, и мне безумно захотелось на волю. Подальше от бетона и огней. В родную Монтану.

Я закрыла глаза. Бабушка ведет меня за руку по степи, поет песни, собирает душистую зубровку и щекочет веточками мои ладошки. Ветер ласкает высокую траву.

Сердце сжалось. Может, оставить все и уехать?

Нет, глупые фантазии. Мне нечего делать в резервации. Бабушки нет. Мама живет в этом старом доме, не желая ничего менять. В последний раз, когда я ей звонила, она сказала, что грустить неправильно. Что Великий дух дал мне второй шанс, даровал жизнь, чтобы я смогла что-то совершить.

Я не дослушала ее и отключила телефон. Так странно, имя Леола означает львица, храбрая. А я не могу даже с собственной матерью поговорить, чтобы не довести себя до слез.

Когда я возвращалась обратно, уже светало. Выключались фонари, проезжали первые трамваи. У газетного киоска парень выгружал из машины коробки со свежими газетами. Я автоматически пробежала глазами обложку и замерла.

Лицо этой женщины. Из моего кошмара.

Может, я видела эту газету вчера?

– Извините?

Парень вытащил последнюю коробку и закрыл машину:

– Да?

– Я могу взять газету?

– Я только привез товар. Сейчас придет...

– Нет-нет. Я просто посмотрю и верну, хорошо?

Парень удивился, но возражать не стал.

Да, то самое лицо. Ее зеленые глаза смотрят прямо на меня. Такие растерянные...

Вы знаете этого человека?

Сегодня ночью на пересечении Университи-авеню и Джексон стрит была найдена женщина, с полной потерей памяти. Об этом сообщает городская больница Фэрвью Саутдейл.

Женщину обнаружили без сознания. Травм и признаков насилия нет, — сообщает дежурный врач.

Удалось установить ее имя и возраст – Мэри-Энн Блэк, 38 лет.

Полиция пытается разыскать ее родственников.

Приметы: рост 167 см, среднего телосложения, волосы русые, глаза зеленые. Одета в синюю блузку, коричневую юбку и коричневый пиджак, черные туфли. Рядом нашли черный зонт и темно-синюю дамскую сумочку.

Если вам что-то известно об этом человеке, пожалуйста, сообщите в больницу Фэрвью Саутдейл, на горячую линию газеты, или по телефону 911.

#

Часть третья

Инсомния

– То есть вы хотите сказать, что видели потерявшую память женщину в своем сне?

– Именно.

Доктор Престен понимающе кивнул. В линзах его очков мелькнуло закатное солнце. Обычно меня расслаблял этот кабинет, его свет, чистота, мягкость ореховых кресел. Но сегодня мысли металась в голове, подобно запертым в ловушке крысам. Как же хочется пить. И спать.

Доктор продолжил:

– И вы уверены, что сон приснился вам до того, как вы увидели статью в газете.

– Ага.

Еще бы. В тот день я не могла сосредоточиться на работе. Джей постоянно спрашивал, все ли со мной хорошо. Но я не могла его успокоить. И не знала, что сказать. Только обновляла и обновляла новости в телефоне.

Нашлись друзья и дети этой женщины. По их словам, она засиделась у подруги за игрой в бридж. До этой ночи ее не беспокоили проблемы с памятью или другие серьезные проблемы со здоровьем...

– Леола?

– Да?

– Я попросил рассказать, что еще было в этом сне. Это первый раз, когда кошмар поменялся, верно?

– Не совсем. Мне снились и другие...

Тасоом.

– Например?

Как же медленно вращаются в голове мысли.

– Мне снился бездомный мужчина. С ним случилось то же самое...

– Что и с женщиной?

– Да...

Я искала информацию и о нем, но ничего не нашла. Это не успокаивало, его ведь могли просто не обнаружить. У него нет дома и, возможно, документов. О таком могли даже не написать.

– Что еще вы видите в этих снах?

Тасоом.

– Мне снится бабушка... И... сова.

– Что в этих снах вам запоминается?

– Ее шепот, ощущение, будто она рядом. И глаза... Глаза совы.

– Хорошо. Как думаете, что это может означать?

Серьезно?

– Я не знаю, доктор, не знаю! Я пытаюсь сказать вам, что видела, как женщина лишилась памяти! Ее лицо перекосило от ужаса! А я смотрела прямо в ее глаза! А вы спрашиваете, что означает шепот моей покойной бабушки?!

Я закрыла руками лицо:

– Это безумие! Безумие! Я схожу с ума?!

– Леола, я так не думаю. Вы пьете таблетки?

– Да.

– Это хорошо. Я поменяю вам противотревожное на транквилизатор.

Я убрала руки от лица и попыталась сосредоточиться.

– Транквилизатор?

– Да, он также снимет приступы тревожности, но поможет вам засыпать. Какое-то время вас будет преследовать дневная сонливость, но в этом нет ничего страшного. Только не следует садиться за руль, хорошо?

– Но я не хочу.

– Не хотите чего?

– Засыпать. Я... Я боюсь засыпать.

– Леола, с той ночи, когда пропала женщина, прошло два дня. Получается, вы не спите третьи сутки?

Я промолчала. Ответ был очевиден.

– Почему вы не обратились ко мне раньше?

Я только прошептала:

– Я не знаю...

Голова отказывалась соображать. Прошлой ночью я обошла весь город, пила энергетики, кофе, потом боролась с паническими атаками – все что угодно, только бы не сон.

И этот шум в ушах...

Доктор Престен снял очки и откинулся на спинку кресла:

– Леола, вам надо поспать. Вам нечего бояться. Новый препарат поможет вам уснуть. Если этого не случится, я буду вынужден положить вас в клинику. Я бы хотел сделать это прямо сейчас, но вы ясно дали понять, что не согласны на стационарное лечение. Вы сильно истощены. Вы мало спите. Вас мучают кошмары. Ваш мозг сейчас может выдавать желаемое за действительное.

– Я же не хотела, чтобы с этой женщиной что-то случилось.

– Конечно, не хотели. Вы склонны винить себя за вещи, которые не в силах контролировать.

– Но я там была! Я видела ее!

– Или вам только так кажется. Леола, это называется – ложное воспоминание. Вам при-
снилась картинка. Вы в общих чертах ее запомнили. А когда взяли в руки газету, то дополнили это воспоминание новыми деталями. Лицом, одеждой, улицей и так далее. Воспоминание как бы перезаписалось. И теперь вам кажется, что оно было таким всегда. Такое происходит при недостатке сна. А согласитесь, ваш сон в последнее время нельзя назвать здоровым.

С этим сложно поспорить. И все же... Неужели меня и правда обманул собственный мозг? Я ведь вспоминала ее лицо тем утром, зеленые глаза...

Доктор протянул рецепт с новыми препаратами:

– Схема приема та же. И, Леола... Пожалуйста, звоните мне при любом изменении вашего состояния. Не тяните, хорошо?

Я кивнула. Наверное, он прав. Я просто поломалась. Нельзя доверять себе, когда ты поломан.

У выхода из кабинета еще одна мысль пришла в мою голову:

– Доктор Престен, а может человек потерять память от страха?

– Да, после любого травмирующего события может наступить так называемая, диссоциативная амнезия. В том числе и от страха.

У кровати горела одинокая лампа, создавая иллюзию уюта и безопасности. За окном дул мощный северный ветер, гудела вентиляция.

Я долго сидела на краю кровати и крутила пузырек с таблетками. Маленькие фиолетовые пилюли, которые помогут мне уснуть.

Боже мой, как я устала.

Кажется, еще одно усилие, и я просто рухну без сознания. Тело ломило, в глаза будто засыпали песок. Как же медленно крутятся мысли.

Час назад, в ванной, я разглядывала мешки под глазами и взбухшие вены на белой груди. А вдруг это не вены, а тонкие хвосты, извивающиеся под кожей? О, Боже!

Может, мама права, и я расплачиваюсь безумием за глупую грусть?

В конце концов, я ведь выжила! Может, я должна радоваться каждому дню? Осознать что-то... Быть благодарной. Только кому или чему? Случайности?

Как можно верить в высшие силы, когда умирают дети?

Почему-то вспомнился тот журналист, Генри Купер.

«А что, если я скажу вам, что в той катастрофе не выжил никто?»

Я усмехнулась. А вдруг я и правда умерла, и эта реальность лично моя? Чистилище в вечной депрессии. Интересно, в этой игре можно победить?

Возникло ощущение дереализации. Несколько секунд я не понимала, что я – Леола. Что живу в Сент-Поле. Что живу.

Ощущение ушло так же внезапно, как и пришло.

Наверное, стоит довериться доктору, а не своему воспаленному мозгу. Со мной явно что-то не так.

Это ты еще умолчала о сове...

Я открыла пузырек и высыпала таблетки на ладонь. Даже этот незначительный вес заставил ее дрожать. Наверное, я сейчас усну и без них. Таблеток совсем немного. В аптеке их всегда выдают дозой на несколько дней. Чтобы ты не смог покончить с собой. Они имеют дело с такими поломанными, как я, и знают, что с нами делать.

Я кинула одну таблетку в рот и почувствовала одновременно облегчение и отвращение.

Облегчение – потому что не надо больше ничего решать. И появилась надежда, что таблетки помогут.

Отвращение – потому что в глубине души знала, что это не так.

Как же я устала.

Я тонула. Вода заливалась в нос и рот. Вокруг была темнота. И вдруг в этой темноте высветились белые крылья. Сова.

Она летела сквозь воду, сквозь пустоту. И мне было так тепло от взгляда ее желтых глаз. Я знала, что теперь со мной все будет хорошо. Она рядом.

Сова подлетела так близко, что я увидела темные узоры на ее перьях. Клюв открылся, и из него прошелестел голос бабушки:

– Проснись!

Но я не проснулась. Только упала в еще больший мрак и очутилась на мостовой.

Лил дождь, гроыхала молния. Кафедральный собор белым призраком возвышался над городом.

Вспышки молнии высвечивали огромные резные арки и застывшие мраморные скульптуры. Испуганные и холодные.

Проснись.

Теперь я знала, что сплю. Я снова стала чем-то. Скользким, как тень, и страшным, как сама смерть.

Проснись, проснись.

Я не могла осознать себя, управлять собой, разбудить себя.

Что я такое? Я не знаю!

Я пряталась в тени деревьев и наблюдала за тусклым светом в окне собора. Я хотела насытиться.

Тяжелая дубовая дверь приоткрылась, из собора вышел мужчина в длинном черном пальто. Высокий, широкоплечий. Он был чем-то обеспокоен, теребил ключи от машины в руках. Затем осмотрелся, поднял воротник пальто и побежал под нещадным ливнем к стоянке.

Я перемещалась словно воздух. Раз – мимо белой мраморной стены собора. Два – меж рядов машин. Три – я у пассажирской дверцы старого субару.

Проснись, проснись!

Мужчина обогнул капот и оказался один на один со мной.

Руки бросают воротник пальто. Лицо искажается в страхе.

Проснись!

Он кричит, и рот раскрывается неестественно широко. Он кричит, а я приближаюсь. Он кричит и падает. Дождь хлещет в его распахнутые обезумевшие глаза, в развалившийся рот.

Да, отдай мне все. Всего себя...

Проснись!

Я вскочила с криком.

Нет! Не может быть!

Он умер! Он умер! Я убила его.

Я не знала, что делать, куда бежать.

Ветер швырял дождь в окно, гремел гром.

Все тело трясло, горло сдавливало. Я начала задыхаться и побежала в ванную за таблетками. Но противотревожного больше не осталось, остался только флакон с новым препаратом. С этими проклятыми фиолетовыми таблетками! Я швырнула флакон в зеркало, и он с грохотом разбился, таблетки посыпались в грязную раковину, покатались по полу.

Я сползла на холодный кафель и разревелась, обхватив голову трясущимися руками.

Я убила его! Убила!

Дыши. Просто дыши. Холодный кафель, теплые...

Кто здесь?

Только я.

Один вдох, два, три вдоха... Когда дошло до семидесяти – стало легче.

Я вытерла мокрые щеки.

Одежда сухая, волосы тоже. Я не выходила из дома. Просто не могла дойти до собора и вернуться обратно, не намокнув.

Внезапная мысль заставила меня подорваться. Я включила в спальне свет и открыла ноут.

Новости Сент-Пола

Но ничего о найденных или пропавших людях. Никаких новых происшествий за эту ночь.

Я посмотрела на время – 05.32.

Может, еще рано?

Новая мысль пришла в голову – пойти к собору и отыскать его. Но меня тут же начало лихорадить. А если я и правда найду его там, на парковке, с открытыми глазами?

Я вспомнила слова Доктора Престена. Это может быть просто сон. Мой мозг меня обманывает. Я не должна доверять себе.

Я схватила бумагу и ручку:

Парковка Кафедрального Собора. Синий субару. Мужчина, высокий, лет 30–35. Темно-русые волосы, короткая стрижка, серые глаза, широкие скулы, легкая щетина.

Я вспомнила эту огромную пропасть вместо рта, и меня передернуло.

Бежевая рубашка, джинсы, длинное черное пальто.

Немного подумав, я подписала:

19 сентября 2018 года, 05.38.

Аккуратно свернула бумагу и сунула во внутренний карман парки.

Я проверяла новости каждую минуту. Из дома, на работе. Я не могла ни о чем думать, ни на чем сконцентрироваться, все время дергала телефон из кармана и листала новостные ленты.

К часу дня он нашелся.

Его звали Лукас. Этой ночью у его жены были сложные роды. Он ездил в собор помолиться.

Его нашли перед утренней службой, на парковке. Сидел у своей машины, промокший до нитки, обмочившийся, и раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками.

Он не помнил, где он, кто он. Не помнил, как ходить и говорить...

Я с ужасом подошла к мокрой парке. Сердце пульсировало в горле. Я потянула молнию. Листок злое выгнул из кармана. Я развернула его.

Это он. Лукас.

Я убежала из магазина, не сказав ни слова. Пульсация в моей голове достигла предела. Голову разрывало изнутри.

Дождь прекратился, город окутал густой туман.

Туман на улице, туман в голове. Здания появлялись резко, будто наезжали на меня, и тут же пропадали во мгле. Я схожу с ума? Или еще сплю?

Это ведь из-за меня! Он сошел с ума из-за меня!

Безумие заразительно.

Может, это просто видения?

Но в глубине души, я чувствовала, что это была я. Это сделала я! Нечто во мне свело этих людей с ума.

Я споткнулась о клумбу и чуть не упала.

Что я такое? Что со мной стало?

Из тумана под неестественным углом выплыл готический фасад музея, из-под арки вылетели грачи. Или совы?

У меня двоилось в глазах.

Из парка, в белесой пелене, появлялись статуи – медные головы младенцев с пустыми глазницами.

Почему кто-то решил, что это мило? Это ужасно! Ужасно! Почему они смотрят на меня?

Что им всем надо?

В бреду я добралась до квартиры. Мне нужно было лишь одно.

Среди грязной одежды на полу я нашла вязаную кофту и достала из кармана помятую визитку.

Генри Купер.

Специальный корреспондент New-York Times.

+1 347 321 40 52.

Я набрала номер. Без ответа. Набрала еще раз. Теперь мне не до церемоний.

Хриплый голос отозвался:

– Генри Купер, слушаю вас.

Я откашлялась:

– Здравствуйте, это Леола Джонсон, пассаж...

– Ааа! Чудом выжившая из Миннесоты? Добрый день! Рад вас слышать. Вы передумали? Это не радость! Ты злорадуешь!

– Я... может быть, да. Вы не могли бы...

Руки дрожали, я едва могла дышала.

– Объясните, пожалуйста, почему вы тогда сказали, что...

– В той катастрофе не выжил никто?

– Да.

– Вы пробыли в воде больше получаса, и вас откачали. Это уже нонсенс. У вас ни одного перелома, ни царапины. Технически вы пережили клиническую смерть, а по времени и биологическую, но, как мы оба знаем, ваш мозг вполне себе функционирует.

С этим я бы поспорила...

– Так вас это интересовало? Что со мной было?

– И это тоже. Публика любит рассказы о чудесном воскрешении.

– Боюсь, речь здесь идет не о чуде.

Я отключила телефон и схватилась за лицо, сотрясаясь от рыданий.

Я не вижу просвета в этой истории. Что бы ни происходило – причина я. Я ошибка... Я не должна быть тут.

Что я такое?

Марево застилало мысли. Мозг говорил одно, чувства другое. Я устала от этой борьбы.

Мне хотелось вырвать из груди это нечто, этого зверя, не дающего мне покоя, порождающего только боль. Зверя, уснувшего от собственной сытости.

Вырвать...

Внезапно пришло успокоение. Я вытерла слезы и подошла к зеркалу.

Глаза у этой девушки широкие и красные. Такие неподвижные, равнодушные. Она что-то знает и смеется надо мной.

Как бы я хотела снова стать маленькой девочкой с живыми глазами.

С живыми мечтами.

Я вышла из квартиры, поднялась по лестнице на девятый этаж и вылезла на крышу.

Бетон вонял сыростью, лужи хлюпали под ногами.

Теперь я выше этого города. И липкий безумный туман не доберется до меня.

Он в твоей голове...

Я подошла к краю. Из белой пелены выглядывали крыши, серебрился мост над затянутой дымкой рекой. Мост в облаках.

Я стала на бордюр, камешки закрипели под кедами. В лицо дунул порывистый ветер, он гнал на город темные грозовые тучи.

Никто больше не должен пострадать из-за меня. Я сделаю шаг и все закончится. Даже если я безумна... Я обрету покой.

При слове «покой» на сердце стало легко. Этот маленький шаг остался единственным, чего я хочу.

Ветер пошатнул меня. Но страха больше нет.

Мы все исчезнем. Так почему бы просто не раствориться в тумане?

Я приготовилась отжаться в объятия ветра.

Но тут из-за стальных туч вырвался луч света. Солнце. Оно высветило верхушки небоскребов. Окна засияли, передавая друг другу мерцающий блеск. Послышался пронзительный птичий крик. Я прищурилась. Со стороны света ко мне летела сова. Она лавировала вниз, будто слетала с самих небес.

Все ближе и ближе. Так близко. Она в меня врежется! Но сова будто влетела прямо в меня и растворилась! Я потеряла сознание.

Фигура бабушки родилась из темноты. Ветер колыхал ее разноцветное платье и бусы, развевал седые волосы.

Она тянула ко мне руки.

Na vone a vo asth (день есть свет).

Nin nee ho wah vin nah tan (ты живая).

Tasoom (душа, тень).

E-eihom angi.

Бабушка раскрыла объятия. Но я не могла ее коснуться. Я – бестелесные глаза, что смотрят в пустоту.

Она повернулась на месте и обратилась в прекрасную белую сову. Два взмаха крыла, и она улетела прочь.

Картинка переменилась. Темнота ушла. Передо мной лежала дорога – путь в бескрайней холмистой степи. Дорога домой.

– Леола, Леола!

Меня трясло за плечи. В глаза ударил дневной свет.

– Ну же, Лео!

Это был Джей.

Его лицо темнело на фоне неба.

Такой обеспокоенный.

Я прошептала пересохшим голосом:

– Я в порядке!

– Оу, Лео! Иди сюда!

Он приподнял меня с мокрого бетона, накинул на плечи куртку и заключил в объятия.

– Я так испугался!

– Прости.

Я заплакала.

Мы сидели молча, в объятиях друг друга. Он покачивался, будто убаюкивал меня на своих руках.

– Откуда ты узнал, что я здесь?

– Ты убежала, ничего не сказав. На тебе лица не было. Я просто понял, почувствовал...

Его голос дрогнул.

Я прошептала:

– Прости.

– Все хорошо, хорошо.

День есть свет.

Ты живая.

Я постепенно успокаивалась.

– Замерзла?

Мы извалились на мокром бетоне крыши. Но разве теперь это важно?

Я высвободилась из объятий Джея и взглянула в его задумчивое лицо:

– Мне нужна твоя машина.

#

Часть четвертая

Монтана

Солнцу Великий Дух даровал Силу давать свет и тепло,
а земле давать развитие и излечение.
Воды одарил он способностью очищать и восстанавливать,
а ветер наделил самым дыханием жизни.
И в последнюю очередь он создал человека.
И хотя тот появился последним и был слаб телом,
получил он величайший дар —
способность видеть сны и видения.

Отрывок из легенд оджибеев.

Ветер играл тонкими стебельками ковыля, то пригибая их к земле, то отпуская на свободу.

Над дорогой нависли грозные стальные тучи, но на горизонте уже сияло солнце. Его косые лучи заливали золотом пожухшую траву, сияли бликами на лобовом стекле.

Вдали, над холмистой степью то появлялся, то пропадал из виду силуэт белой совы. Дух бабушки следует за мной. Или я за ним...

Мне нравилось ощущать руль в руках. Большой надежный пикап Джея.

Джей не задавал много вопросов. Да я бы и не смогла ответить.

Сама не знаю, что происходит. Только чувствую.

Чувствую, что со мной и правда что-то не так. Что бабушка пытается помочь. А главное, что она может помочь.

Я все время делала то, что мне говорили. Искала логичные объяснения, пила таблетки, отрицала собственные чувства. Я боялась ошибиться, кому-то навредить. Но терять больше нечего. Пора довериться себе.

После того, что случилось на крыше, я проспала до самого заката. И впервые меня не мучили кошмары. Я поняла, а точнее почувствовала, что то зло, то нечто (чем бы оно ни было) может прийти только ночью, во мраке. Что день – мой друг и защитник. День есть свет.

Я выпалась. Мозг расслабился. Остались одни чувства. И я ощущаю себя спокойно и уверенно.

Десять часов пути позади, а значит, до резервации осталось меньше часа.

Шоссе 94 было пустынно. Изредка приходилось обгонять длинные одинокие грузовики с уставшими дальнобойщиками за рулем.

Мой отец был дальнобойщиком. Так они с мамой и познакомились. Дальнобойщик и официантка в придорожном кафе. Кто еще заедет в наши края по своей воле?

Наверное, страсть к большим машинам досталась мне от отца.

Я приоткрыла окно, впуская в салон свежий утренний ветер, и надавила на педаль газа.

Резервация начиналась с разбросанных у дороги трейлеров. Многие индейцы не могут позволить себе строительство нормального дома и живут в тесных трейлерах целыми поколениями.

Мой пыл поутих. Каждый раз, когда я возвращаюсь, резервация будто уменьшается, усыхает, срастается с землей.

В детстве эта местность была для меня целым миром.

Знакомые деревянные дома пятой улицы, манящие неизведанные просторы за площадью для собраний, загадочные коммуны на окраине, окруженные бесконечными молчаливыми холмами...

Теперь я вижу лишь потрескавшиеся пыльные дороги, обветшалые дома, да поржавевшие сетки заборов. И пластиковые пакеты, кочующие вслед за ветром.

Алкоголизм, безработица и азартные игры. Три всадника апокалипсиса, пожирающие любую резервацию. Власти дали индейцам разрешение на свободную продажу алкоголя и ведение игорного бизнеса – лицензию на саморазрушение. Индейцы легко впадают в зависимости. У нас не было длительного периода адаптации к подобным веществам. Мы прыгнули в новый мир, как в омут, с головой. И чем беднее человек, тем слаще этот омут.

Я рассматривала каждый знакомый дом. По левую сторону показалось длинное кирпичное здание. Моя старая школа. Приятных воспоминаний не вызывает. Учили здесь плохо. А в младших классах, когда я только перевелась из Льюиса, многие дети смеялись надо мной. Для них я была белой. А для белых краснокожей. На мне два клейма. Я чужая везде.

Когда я подъехала к своему старому дому, сердце сжалось. Двор вытоптан, белая краска висит на деревянном фасаде, точно сухая содранная кожа.

Дворняга, привязанная у входа, подняла лай.

Мама не спала. Стоило мне выйти из машины, она выскочила во двор, раскрывая объятия:

– Леола?!

– Привет, мам.

Ее зовут Вейнона – первая дочь. У бабушки было много сыновей, но все они страдали от зависимостей и ушли рано. Как говорила бабушка, есть демоны, которых никто не может побороть за тебя. Наверное, мой демон из того же разряда.

Я кинулась в мамины объятия. Ее старая кофта пахла сигаретами.

Я предлагала увезти ее из резервации. Но с тех пор, как папа ушел к другой женщине, мама предпочитает держаться подальше от «этих белых». Так всегда. Зло совершает конкретный человек, а ненавистной становится целая нация.

Интересно, теперь я тоже зло?

Я боялась, что мама начнет задавать вопросы, но она лишь накормила меня блинами, постелила свежую постель и предложила отоспаться с дороги. Будто почувствовала что-то...

А может, и правда почувствовала?

День есть свет.

И никаких кошмаров.

Только шепот бабушки:

– Кэнти.

Когда я проснулась, то знала, что надо делать дальше:

– Мам, а бабушкина подруга Кэнти еще жива?

Мама бросила мыть посуду и посмотрела на меня слишком понимающим взглядом.

Обитель старушки Кэнти наполнял стойкий аромат трав.

Полумрак низкой пристройки освещал деревянные стены, увешанные букетиками сушеных стебельков и цветов. Здесь чего только не было: пижма, гамамелис, золотарник, арника, ромашка... Полочки забиты коробочками с семенами и маслянистыми корешками.

Стоило мне переступить порог дома старушки Кэнти, как она произнесла:

– E-eihom angi.

Я не знаю, что это значит, но в моем сне бабушка произносила то же самое. Я только теперь поняла, что ни разу не назвала бабушку по имени. Ее имя Кими. Тайна. Я улыбнулась. Вполне ей соответствует.

Меня отвели в эту комнату и оставили наедине с растениями. Я не знала, что происходит, просто доверилась и полностью отдалась происходящему. Единственный вопрос, который мне задали, – ела ли я последние шесть часов. Я ответила «нет», и, видимо, такой ответ старушку устроил.

Через какое-то время старушка вернулась, поменяв голубое платье на разноцветное одеяние шамана. На шее висели бусы из камней и перьев. Ее спина была согнута, волосы совсем седые, но глаза светились решительностью и былой уверенностью в своих силах:

– Разденься до белья, дитя, и приляг на стол.

Я сделала, как она сказала. Дерево под спиной было твердым и холодным:

– Амулет оставить?

– Да.

Старушка что-то подогревала на старой дровяной печи. Потом подожгла лишайник и поднесла к моему лицу. Едкий дым заполнил легкие.

– Вдыхай дитя, не бойся.

Я вдохнула поглубже и закашлялась.

– Хорошо, хорошо.

Потом дряблые руки растерли по моему телу теплую зеленую кашицу. Меня начало клонить в сон.

Глаза слипались.

Старуха затянула тихую протяжную мелодию.

Она снова что-то поджигает, касается моих висков, лба и поет... поет...

Я оказалась в темноте. Но темнота больше не пугала. Я знала, что бабушка где-то рядом. И вскоре белые крылья мелькнули вдалеке. Она спускалась на землю, медленно обретая человеческий облик, превращаясь в мою бабушку Кими.

Вот она, стоит передо мной, будто живая. Улыбается, протягивает руки.

– Бабушка!

– Леола!

Я кинулась в ее объятия. Настоящая! Из плоти и крови!

Она прошептала:

– Как долго я тебя ждала.

Я прижалась к ней еще сильнее, но она мягко отстранила меня:

– Дорогая, у нас не так много времени. Я должна тебе поведать все, что знаю.

Я с удивлением обнаружила, что мы сидим на скамейке у сухого красного дерева. Бабушка держит мою руку в своих ладонях.

На ее лице отразилась печальная улыбка:

– В том, что случилось, есть и моя вина... Я не хотела, чтобы твой путь закончился так скоро. Я попросила Великого Духа о помощи, и он позволил мне вернуть твою душу, ступившую на путь теней. Но то, что на земле длится секунды, в мире духов занимает часы. И этого хватило, чтобы E-eíhom anǵi проскользнул в твое тело.

– E-eexom anǵi?

Бабушка кивнула:

– При жизни колдун безумия, после смерти – демон, питающийся душами людей. И твое слабое тело стало ему пристанищем. И пищей... Твоя душа разбита. А потерянные, отвергнутые частицы души – словно дар, подношение для этого демона. И он питался этим даром пока не окреп, пока ему не стало мало.

Где-то в глубине себя, где живут ответы на все вопросы, я давно знала об этом. Но потрясение и ужас от этого не стали меньше.

– Так он поглощал души этих людей?

Бабушка сильнее сжала мою руку:

– Им не помочь, дорогая. Но я скажу тебе, как остановить E-eihom angí.

И она наклонилась к моему уху и зашептала в него так быстро, что я еле улавливала звук ее речи.

Я ведь не zapomню! Я все забуду!

Но шепот проникал не в голову, он вливался в самое сердце.

Когда бабушка замолчала и отстранилась, мы снова стояли в темноте. Неожиданно я поняла, что ее руки теряют форму, растворяются:

– Нет! Не уходи! Прошу! Я так скучаю.

– Я все время рядом, дорогая!

– Но у меня еще так много вопросов! Как ты? Где ты? Что там, за гранью?

– Я не могу открыть тебе больше положенного. К тому же, нет таких слов, чтобы описать невысказанное.

Она улыбнулась, поцеловала меня в лоб и растворилась белой дымкой во мраке.

Когда я очнулась, каморка была темной и пустой. Я осталась одна. Но я знала, что должна сделать.

Я шла навстречу алому закату. Босая, в одном белье. Трава больно колола ступни, ветер покрывал кожу мурашками. Впереди виднелся блеск реки. Я должна смыть с себя зелье и омыть тело перед грядущим.

Я сложила одежду и амулет на камне у берега и вошла в ледяное течение.

Вода приняла меня, очистила тело и успокоила душу своим мирным неспешным плеском.

На берегу ветер обжег холодом мокрую кожу. Я ощутила невероятный прилив сил. Это хорошо, мне предстоит проделать долгий путь. Надев джинсы и кофту, я отправилась дальше, ступая босыми ногами на камни и колкие травы.

На горизонте темнели последние красные всполохи. Скоро наступит ночь. И в степи не останется никого, кроме меня.

А еще змей, жуков и...

Я знаю, что тебе страшно, но с тобой ничего не случится, я обещаю.

Тело было расслабленно и наполнено энергией. Я готова пройти десятки миль, не останавливаясь ни на минуту.

И я шла только вперед, не разбирая пути, не смотря по сторонам. Ветер указывал мне дорогу.

Небо темнело, загорались звезды, где-то вдали взвыли койоты.

Когда полная луна оказалась над моей головой, я остановилась. Ноги ныли, но это была приятная боль. Эту боль легко можно принять.

Я думала, что в темноте будет сложно отличить душистую зубровку от прочей травы, но луна ярко освещала склоны холмов, усеянных пушистыми колосками.

Я сорвала несколько стеблей, поднялась на холм и села на землю.

Я была уверена в том, что делаю, и все же в груди всплывала тревога. Мне предстоит встретиться с опасностью, и тревога предупреждала меня, заботилась обо мне. И я ее слышала.

Я подожгла сухие стебельки и вдохнула сладкий кумариновый дым.

Я готова.

Луна померкла. Я снова оказалась во мраке.

Тут нет ни неба, ни земли. Бесконечная чернота – любимое пристанище демонов.

Я долго не решалась шелохнуться, всматривалась в темноту, пыталась различить хоть какое-то движение, услышать хоть что-то. Но темнота молчала.

– Покажись!

Я испугалась собственного голоса. Представила, как демон кидается на звук, будто огромная змея. Миг – и меня нет.

Мне показалось, или что-то шелохнулось позади?

Я развернулась и слотнула:

– Где ты? Я готова встретиться с тобой!

А готова ли я? Я озиралась по сторонам, будто слепой котенок. Сердце билось о грудную клетку. Казалось, тьма кишит монстрами.

В нос ударило ужасное зловоние. Протухшее мясо...

Что-то мелькнуло.

Он рядом.

Мне захотелось бросить все и убежать. Но бежать некуда.

Мой крик был похож на истерику:

– Ну же! Смелее! Покажи свое безобразное лицо!

И он показал. Гигантская алая плоть выступила из темноты.

У него не было лица. Только огромный рот зиял черной дырой. Сплошной кусок мяса с бесформенными конечностями. Будто кожу вывернули наизнанку и пришили обратно. По белесым жилам стекала вонючая слизь.

Он надвигался на меня рывками – перемещался, сотрясая пространство.

Я выставила руки вперед. Будто это его остановит! Теперь я знаю, чего пугались те люди, несчастные жертвы Е-еехома анги. Его мерзкая рваная плоть постоянно менялась. Будто из нее что-то пыталось вырваться, билось изнутри. О, Боже, это же лица! Ужасная догадка поразила – это души, тех кого он поглотил! Бабушка сказала, я не могу им помочь. Но я могу помочь себе. Забрать части своей души.

Но как собраться с мыслями? Он ведь совсем рядом. Еще рывок, и он поглотит меня безразмерной голодной пастью.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на страхе, что пульсировал в висках, бился в животе, вибрировал в коленях, душил.

Страх, ты сильный. Я чувствую тебя, знаю, что ты хочешь защитить меня. И... я впускаю тебя в свое сердце.

И страх вошел. Судорогой перевернул все тело и рассыпался мелкими иголками в груди.

Я открыла глаза. Вонючая пасть демона замерла в сантиметре от моего лица.

Несколько секунд я смотрела в эту уродливую пустоту, ожидая конца, но пасть не двигалась. Застыла, словно время остановилось.

Неужели это правда?

Я судорожно выдохнула и отступила назад. Демон повис в воздухе каменным изваянием. Движение лиц прекратилось. Это невысимо. Невозможно.

Сейчас не время думать. Надо собраться и покончить с этим.

Я сжала похолодевшие кулаки.

Теперь верни мне боль.

Его живот вздулся и треснул. Из раны вместе со слизью вырвался блестящий острый осколок и врезался в мою грудь.

Боль ослепила, зазвенело в ушах. Грудь обожгло, будто в ней проббили дыру.

Дыши! Ты сможешь! Ты справишься!

Следующей я приняла вину. Она вырвалась из мясистой плоти демона и острой стрелой влетела в мое сердце. Следом полетели осколки грусти и печали. Тревога. Сострадание. Сомнение, желание, стыд...

Злость ворвалась так сильно, что я едва удержалась на ногах. Ненависть, зависть, обида. Одиночество. Глупость. Отчаяние и беспомощность. Будто пули разрывали демона изнутри. И попадали прямо мне в сердце. Может, я умру? Слезы лились из глаз. Я поняла, что кричу.

Но внезапно все прекратилось.

Я пыталась отдышаться, не в силах распрямиться и взглянуть на разорванную вонючую плоть демона.

Я знала, что осталась еще одна часть, и была готова принять ее. Я раскрыла объятия. Послышался оглушительный треск. Последним огромным осколком в меня влетела любовь.

Тьма сменилась ослепительно-ярким светом.

Демон взвыл. Заорал хором человеческих голосов и начал испаряться, превращаясь в густой смрадный дым.

Е-еехома анги больше нет места в этом теле.

Возвращайся туда, откуда пришел.

Когда я открыла глаза, по щекам катились слезы. Солнце приветствовало меня нежными рассветными лучами.

#

Эпилог

Моя квартирка давно не была такой чистой.

Мы с Джеем сидели на полу и ели лазанью, приготовленную его мамой.

Скудный запас моих вещей, состоящий в основном из книг и старой одежды, был упакован и ждал меня внизу, в багажнике новой машины. Осталось забрать ноутбук и дорожный рюкзак. И... Я готова к пути.

Джей помог мне привести квартиру в нормальный вид и разобрать кучу ненужного хлама.

Я посмотрела в его смуглое задумчивое лицо. Губы измазаны в соусе.

Мое сердце переполнилось теплом и благодарностью:

– Джей, спасибо тебе, я бы без тебя не справилась.

Он отхлебнул пиво и усмехнулся:

– Это точно! И как ты умудрилась не утонуть в этом дерьме?

– Да я не за квартиру! Ну... и за нее, конечно, тоже.

Я выдохнула и улыбнулась:

– Спасибо, что был хорошим другом.

– Эй! Был?

Я засмеялась.

– Боже мой, с тобой невозможно разговаривать!

– Ага, с тобой тоже.

Какое-то время мы ели молча. Потом Джей отложил пустой контейнер в сторону и спросил:

– Не передумала?

Я покачала головой.

Но позже, в дверях, я замешкалась.

Прощай квартира, прощай Сент-Пол. Ты навсегда останешься я в моем сердце.

Я положила ключи на стол и закрыла дверь.

Не знаю, что принесет мне этот путь. Разочарование или вдохновение.

Я готова ко всему.

Я хочу увидеть мир.

И начать я хочу с океана.

Тери Аболевич Меж волка и собаки

Он явно летел в какую-то пропасть. Черную, вязкую, вот сейчас – прямо сейчас! – он шлепнется и разобьется... Со дна бездны почему-то доносились крики чаек и плеск волн, но он по-прежнему летел в никуда. Сердце сделало сальто и замерло, дыхание перехватило – Миша вдохнул соленый морской воздух шумно, рывком...

... И проснулся. Оказывается, задремав, он уронил голову на грудь и дернулся во сне.

– Осторожно, двери закрываются, – прохрипел неживой голос из динамиков.

Вот же зараза. Паршиво это все-таки – засыпать в электричке. Прикорнул где придется, дергаешься, и кажется, будто все соседи на тебя смотрят – чего это он дергается?

– Следующая станция – Затемки, – из динамиков громко загудело и затрещало, но шум быстро стих.

Поезд схлопнул створки дверей, зашипел, чуть подался назад и двинулся дальше. За окном замелькали рельсы, деревья, «хрущевки». Отсыревшие остатки лета погружали город в болотные оттенки и вынуждали зевать.

Стоп. Какие еще Затемки? Миша катался по этому маршруту уже, пожалуй, года три. Не было на этой ветке никаких Затемок.

Он что, перепутал электрички? Сел не с той платформы, поезд на какой-нибудь развилке двинулся по другому направлению? Местность вроде знакомая. Или нет?

Он огляделся. Напротив него в окно смотрела пожилая дама с очень уж недовольным лицом. Слева читал газету крепкий мужичок, у самого краешка дедок размышлял о чем-то, глядя в пол. Кажется, все они точно знали, куда едут. Только Миша не знал.

– Затемки, – снова ожил динамик, – следующая станция – Плющево.

– Чего? – вырвалось вслух у Миши. Плющево – его ветка, сразу после Вешняков. Никаких станций и развилки между ними нет.

Мише захотелось завывать – что происходит-то? Он посмотрел на свое отражение в окне – нет, вроде, глаза не безумные. Только сонные, и оттого вокруг голубой радужки разлилась краснота.

Тем временем двери в Затемки закрылись, и поезд повез Мишу дальше, к знакомым станциям.

Может быть, все это ему приснилось?

Позже, уже к концу рабочего дня, он именно так и решил, перебрав все карты и схемы поездов Казанского направления. Похоже, станции Затемки вообще нигде не существовало. Почудится же всякое спросонья.

Вечером, на пути домой, он чутко вслушивался в объявления станций, но за Плющево оказались привычные Вешняки. Все как всегда. Ну точно приснилось.

На следующий день, покупая билет, он все же спросил знакомую кассиршу, тетя Валю, насчет Затемок.

– Затемки? – уточнила она, поправляя очки. – Нет, Мишутка, знать не знаю. Так ты же уже сколько едешь, а станций не запомнил?

– Мне просто показалось, – смутился Миша, – я даже почти уверен, что электричка там остановилась. Но, наверное, приснилось.

– Ох ты, – в полутемном окошке было заметно, как тетя Валя перебирает пальцами, будто нащупывая на столе нечто невидимое. – Знаешь, что я тебе скажу, дурная это примета – посторонние станции слышать.

– А можно побыстрее? – в разговор влезла стоявшая следом за Мишей женщина.

– Да-да, секундочку.

Он наклонился поближе к окошку, чтобы лучше слышать.

– ...примета дурная, Мишутка, так и знай. Ты мальчик хороший, светлый, а станции такие от лукавого, – кассирша протянула Мише билет, – не дури да мимо проезжай. Давайте, женщина, куда вам?

«Ну вот и тетя Валя умом поехала, – подумал Миша, – в небывальщину ударились. Видно, что-то такое в воздухе».

Почти неделю после этого случая ничего не происходило. Затемки никто не объявлял, Вешняки и Плющево соседствовали так тесно, как им и положено, и Миша уже стал забывать о случившемся.

Но потом он снова задремал в электричке. И опять его подхватила черная густая бездна, и зазвучали оттуда истеричный крик чаек и шум набегающих волн.

Когда Миша очнулся со вкусом морской соли на губах, голос из динамиков снова вещал, превозмогая треск и гул:

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Затемки.

Что-то изнутри как будто укололо Мишу.

«Нужно выйти, – подумал он, – точно нужно, а то так и буду потихоньку сходить с ума».

Он взял рюкзак и заранее прошел в тамбур. Воздух здесь был тяжелый и спертый, как будто недавно кто-то курил. По памяти из сна сюда же пробивался слабый запах йода – так пахнет на море. Чего оно ему снится постоянно? На море он не был уже лет семь, если не больше.

Снаружи мелькал привычный город: какая-то промзона, потом – жилые дома, дорога. Посмотрим, что это за Затемки такие.

Поезд остановился и с шипением раскрыл двери. Кроме Миши, из вагона никто не вышел.

В Затемках было пустынно. Голая безлюдная платформа, асфальт в трещинах. Не было ни касс, ни турникетов – только несколько ступенек до тротуара. Такого же, в трещинах.

В воздухе висел полумрак – будто день уже собирался заканчиваться, хотя по всем представлениям было утро. Через дорогу стояли пятиэтажки, обветшалые и уродливые, и ни в одном окошке не горел свет. Вывески магазинчиков, вон аптека даже есть – город как город. Только нет никого.

Мише показалось, что у него село зрение. Так бывает в сумерках, когда глаза не успевают привыкнуть к темноте, но сейчас вместе со светом словно уходили цвета. Он читал когда-то, каким видят мир собаки – серым, различая лишь слабые оттенки синего и желтого. Вот и он как будто превратился в собаку – вокруг все поблекло.

– Ш-ш-ш-ш! – зазвучало совсем рядом. Миша испуганно дернулся в сторону и посмотрел под ноги.

Тощий черный кот злобно шипел на него, обнажая тоненькие клыки. У самых его лап валялась рыбья голова – открытый рот, мутные мертвые глаза.

– Эй, да ты чего ругаешься? Не нужна мне твоя добыча. Ну-ка брысь, – сказал Миша и топнул на кота.

Тот в ответ сощурился и утробно прорычал. Вот же зверюга! Миша топнул снова. Кот схватил рыбью голову и припустил через дорогу куда-то во дворы. Беги-беги, злобный валенок.

Глядя вслед зверюге, Миша заметил, что на улицах стали появляться люди. Вот прошла женщина в клетчатом пальто, совсем рядом прошмыгнул школьник, старушка с тележкой проковыляла поодаль. Они казались такими же обесцвеченными, как и все это сумрачное место. Может, и сам он уже такой?

Порыв холодного ветра заставил Мишу поежиться и втянуть голову в плечи. Куртка-то легенькая. Не нравится ему этот район – даже ветер какой-то пустой, что ли, без свежести. И чего сошел с электрички?

– Простите, не подскажете, что это за улица? – спросил Миша первого прохожего. Тот даже не повернул головы: как шел по своим делам, так и прошел дальше. Глухой, что ли?

– Извините, не подскажете... – но и другой человек продолжил шагать по улице, будто Миши не существовало на свете.

– Извините... – он уже попытался схватить за локоть третьего прохожего, но его ладонь прошла через человека, как сквозь воздух. Он ничего не почувствовал.

Внутри похолодело и пару раз екнуло. Что же это, а?

– Эй! – крикнул он во всю глотку. – Меня кто-нибудь слышит вообще?!

Никто не отреагировал – тишина как она есть. Прохожие даже не издавали звуков шагов. Мертво. У Миши закружилась голова, как будто от мозга отхлынула вся кровь. Он чуть пошатнулся, хватаясь руками за воздух.

Но тут, словно в ответ на его крик, невдалеке раздался звонкий смех. Миша повернулся и увидел, как из-за угла пятиэтажки выглядывает несколько детских голов, лет 6–8, все они смотрят прямо на него и смеются. На него ли? От этого хохота Мише почему-то стало жутко. Да ну, всего-то детский смех.

– Эй, вы меня видите? – спросил он детей.

Те только снова рассмеялись и скрылись за углом.

Нет, все. Хватит. Это уже не сон, не сумасшествие. Миша как будто попал в голову Безумного шляпника. Причем в самые запыленные и несуразные ее разделы.

Он почти бегом вернулся на платформу, пару раз споткнувшись о трещины и выбоины в асфальте. Чертовы Затемки. Говорила же тетя Валя: от лукавого, и чего не слушал?

Электричка, слава богу, подошла почти сразу же. Прежде чем открылись двери, Миша еле удержался, чтобы не раздвинуть их руками – только бы поскорее внутрь, прочь из проклятого места.

Он пулей влетел в вагон. Было пусто: ни единого пассажира. Ну и ладно, может, так и надо, и на Плющево сейчас подсядут. Миша занял место у прохода и стал смотреть в пол. Не в окно, нет, вдруг он там увидит еще что-нибудь? Гигантские щупальца осьминога, протянувшиеся с небес? А может, в окно прямо сейчас смотрят детские головы и корчат рожи.

– Осторожно, двери закрываются, – протрещал голос, – следующая станция – Затемки. Что?!

Миша вскочил было, но поезд уже тронулся, и его швырнуло обратно на скамью. Он больно ударился копчиком. Как так-то? Почему опять эти... Где Плющево, в конце концов? Мысли в голове запутались до такой степени, что быстро стали неразборчивым неподвижным комком.

Те минуты, что вагон гремел колесами по несуществующему полотну, Миша все смотрел себе под ноги. Там интереснее и понятнее, чем у себя в голове. Вон линолеум протерся и отошел, тут вот застаревшая прилипшая жвачка. Монетка блеснула. Пусть лежит.

– Затемки, – объявил голос из динамиков.

«Не буду выходить, – подумал Миша, – не моя станция».

Двери с шипением и стуком открылись, подождали немного и схлопнулись опять.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Затемки.

Миша издал что-то среднее между воем и рычанием. Невозможно. Он ущипнул себя за руку так больно, что из глаз полетели искры. Не сработало. Еще несколько раз он уехал из Затемок и вернулся в них же. Осторожно... закрываются... Затемки... Затемки...

На очередном перегоне дверь тамбура вдруг отъехала в сторону, в вагон зашел молодой невысокий парень в джинсах и черной рубашке. Волосы и глаза у него тоже были почти чер-

ными. Показалось, что сейчас он достанет из-за спины гитару (тоже черную, конечно) и споет что-нибудь зауспокойное. Было бы под стать обстановке.

Но Миша ошибся.

– Билетики! – весело, на весь вагон, объявил вошедший. Контролер.

– Билетик! – повторил он, подойдя к Мише. Тот какое-то время молча и туповато на него смотрел, но потом все-таки достал из кармана помятый билет.

– До Казанского вокзала, ага, – пробубнил контролер, – только мы туда не едем.

– Затемки, – в сотый раз провозгласил трескучий голос. Мише захотелось дотянуться до динамика и разломать его на мелкие кусочки.

– Давай-ка выйдем, – пригласил его контролер, когда двери в сотый же раз открылись в Затемках.

Миша почему-то покорно поднялся со скамейки и направился в тамбур. «Хоть расстреливайте», – подумал он. Никогда в его жизни не происходило такой ерунды, и как нужно правильно себя вести, он не знал. Пусть ведет, чего уж.

Вскоре электричка укатила дальше, тарахтя колесами, а они с контролером остались в Затемках. Интересно, доедет ли на этот раз поезд до Плющево?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.